

Борис Благовещенский

СУДЬБА В ЖЕЛТОМ ПЛАТЬЕ

Проза. Фантастика. Трагедийная драма

Борис Благовещенский

**Судьба в желтом платье. Проза.
Фантастика. Трагедийная драма**

«Издательские решения»

Благовещенский Б.

Судьба в желтом платье. Проза. Фантастика. Трагедийная драма /
Б. Благовещенский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-744402-0

Строчки: «Я брожу по холодным планетам, я миры среди звезд создаю»,
взятые автором в качестве эпиграфа к этой книге, отображают состояние
автора и суть большинства его произведений. Откройте страницу с
содержанием, и вам станет понятно, о чём эта книга. Фантастические
рассказы, лирическая повесть, художественные и сатирические рассказы,
трагическая драма и цикл публицистических работ — вот жанровая палитра
этой книги. Прошлое, настоящее и будущее тесно переплетаются в ней.

ISBN 978-5-44-744402-0

© Благовещенский Б.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Романтики	8
Абсолютное оружие	24
Формула пси-гравитации	27
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Судьба в желтом платье

Проза. Фантастика. Трагедийная драма

Борис Благовещенский

Редактор Борис Григорьевич Забудский

© Борис Благовещенский, 2019

ISBN 978-5-4474-4402-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

...Я брожу по холодным планетам,
Я миры среди звезд создаю,
Был я богом и нищим поэтом,
И у пропасти был на краю.
Я на Землю спускаюсь (О, Боже!)
Вижу слезы и вижу кровь.
До чего же я, Господи, дожил!
До чего ж довела любовь.
И прозрев, как от молнии белой,
Люди, вновь возвращаюсь я к вам
И врачую я словом и делом,
Исцеляясь от этого сам.
А в краю, где ни разу я не был,
Между сопками бродит туман
И, дыша в раскаленное небо,
Без меня догорает вулкан.

От автора

Меня родила русская женщина 25 мая 1949 года в городе Благовещенске, что на Амуре. К сожалению, это почти всё, что я знаю о своей матери, в девичестве Ефимовой Надежде Александровной, медсестре. Её не стало, когда мне не было еще двух лет. Её ранняя смерть и определила мою дальнейшую судьбу. Вскоре (в 1951 году) мой отец, Забудский Григорий Петрович решает возвратиться с двумя своими детьми на свою родину, в маленькое село Соколово на одесчине, откуда он был призван в армию шестнадцать лет назад, где остались его три сестры. За это время по этим краям успела прокатиться страшная война, ушел из жизни его отец, так и не дождавшись возвращения своего сына со службы на Дальневосточной границе СССР.

На Украине прошли моё детство и юность, учеба в школе, затем в политехническом институте. Рос я очень впечатлительным ребенком без признаков каких-либо талантов, в голове которого рано появились романтические мечтания. В этих мечтаниях я воображал себя в самых разных историях, но никогда не мечтал о себе, как о писателе. Очень любил читать сказки. Уже в третьем классе перечитал все русские, украинские народные сказки и сказки других народов СССР.

Впервые я взялся за перо, когда мне было тринадцать лет. Именно тогда я начал рифмовать первые строчки, а позже начал вести дневник своей юной жизни. Именно с дневниковых записей у меня появилась тяга к сочинительству. Дневник свой я вел очень нерегулярно, о чем впоследствии очень жалел. Потому, что только после многих прожитых лет понял, как много интересного было в моей жизни, и моя, как мне казалось до недавнего времени, феноменальная память, сохранила далеко не все. Теперь мне думается, что если бы я просто вел дневник, а не сочинял своих рассказов и стихов, то записанная мною жизнь была бы интересней, чем все, что я описал в своих стихах и прозе...

Книга, которую вы читаете, давно ждала своего часа. То, что она приходит к читателю только сейчас, скорее беда автора, чем его вина. Я давно хотел и пытался издать книгу, которая отражала бы разные стороны моей работы в литературе. Так уж сложилось в моей жизни, что я одинаково увлеченно писал сначала стихи, потом юмористические рассказы, романтические и фантастические повести, пьесы, публицистические статьи. Мне все жанры давались одинаково легко и одинаково трудно. Не без удовольствия вспоминаю, как в июле-августе 1994 года на одном дыхании написал пьесу «Лжец», и в каких сомнениях рождалась научно-фантастическая повесть «Сапиенсатор Николая Таймырова».

Публицистика, это особый разговор и часть моего творчества. Я занимался ею поневоле в 80-е и 90-е годы потому, что ни стихи, ни прозу мою тогда никто печатать не собирался. А выход для творческой энергии должен был быть. Но это был тоже очень интересный, напряженный и насыщенный творчеством период в моей жизни. Я с благодарностью вспоминаю всех журналистов, которые работали с моими материалами, потому что я многому у них научился. Порой случались анекдотические истории. Однажды, когда я отнес в редакцию газеты «Вечерний Кишинев» статью «Сатанинские игры», (был март 1991 года), как всегда в сомнениях, что ее напечатают, на следующее утро меня разыскал по телефону на заводе «Сигнал» заместитель редактора газеты Петр Делибалтов, и попросил срочно приехать в редакцию. Беру увольнительную у своего шефа и мчусь в Дом печати. На столе у заместителя редактора лежала отпечатанная на машинке моя рукопись, и он попросил её подписать. Потом в кабинете главного редактора газеты мне авансом вручают гонорар, равный половине моего инженерного оклада, за еще неопубликованную статью с предложением опубликовать подобные материалы два, три раза в месяц и я снова возвращаюсь на завод. Весь день при этом у меня из головы не выходит текст моей скандальной заметки, которая не сегодня-завтра должна выйти в газете. И вдруг

с ужасом понимаю, что допустил в тексте ошибку. Бегу к таксофону во дворе завода, набираю номер замредактора газеты и говорю ему: «Там в моем тексте, на такой-то странице ошибка в названии группировки итальянской мафии, исправьте, пожалуйста». Он, зная, что я принес свой горячий материал, написанный от руки, удивляется тому, что я точно цитирую свой текст: «У тебя, что второй экземпляр есть?». Нет, говорю, я помню свой текст наизусть. Он вдруг расхохотался в трубку: «Да пойдет и так! Тебе, что делать нечего? Я тут важным делом занимаюсь, а ты звонишь мне по пустякам». Но ошибку все же исправили.

Трагедия «Лжец», хотя и была написана по реальным событиям того времени в середине 1990 года, но в ней предвосхищены многие явления, которые тогда ещё только называли не только в Молдове, но и на остальном постсоветском пространстве.

В разделе «Заметки на полях газет» представлены шесть заметок из нескольких десятков, написанных в девяностые годы на разные темы. Это тоже часть нашей жизни, выраженная в моем отношении к событиям того времени. К сожалению, некоторые из них, (например, «Коллективное безумие, или эта земля уже принадлежит войне») не только не потеряли актуальность, а стали ещё более злободневными, чем двадцать лет спустя после их написания. Несмотря на то, что выходили они в центральных молдавских и даже в московских изданиях, противников их опубликования было предостаточно. Иногда проходили месяцы до их появления в газете и только по затянувшейся паузе, и по коротким репликам работников редакции я догадывался, какая борьба происходила вокруг них. Эти публикации приносили мне иногда массу эмоций, а иногда большие неприятности. Удивляюсь сейчас своему терпению и упорству, с которым я отстаивал тогда свои материалы. Я не был ни профессиональным журналистом, ни штатным работником газеты, в которой печатались мои заметки. Никогда никто мне не заказывал статьи и не обещал, что материал будет напечатан. Каждый раз, когда я приносил свой материал в редакцию, я не уверен был в том, что мой многочасовой труд после рабочей смены на заводе не пойдет в мусорную корзину.

Но в этом было и преимущество моего положения: если мне отказывали в публикации в одной газете, я нес её в другую газету, и она выходила там. Такое было время. Да, сейчас не легче, скажете вы. Но то было – *моё время*.

Романтики Повесть

Моим сокурсникам, студентам 1970-х посвящаю эту историю...

I

Стоял жаркий воскресный июльский день. Лето достигло той самой точки, когда жара становится особенно невыносимой. Высушенная до предела слишком щедрым солнцем земля уже не испаряла влагу и раскаленный, сухой воздух юга еще с большей беспощадностью жег все находящееся на суше. Уставшие от знойных дней и душных ночей долгожданного лета люди стремились к морю, этому щедрому на прохладу зимой и летом источнику.

Пляжный сезон достиг в эти дни своего зенита. Каролино-Бугаз, один из филиалов черноморского рая, кишел людьми. В одном из уголков многомильного пляжного берега, на «золотом» песке Черного моря, все возможные места были заняты. Со всех концов пятнадцати республик страны можно было здесь встретить любителя южного солнца. Под скупой тенью «грибка» сидели трое излучающих шум и веселье юношей. Самый старший из них, брюнет в очках с золоченой оправой и большими пухлыми губами, перебирал струны гитары, глядя мечтательным взглядом в синюю, чуть волнующуюся даль моря. С первого взгляда он чем-то напоминал Шурика, героя известных кинокомедий. Если судить по песне, трое были из Ленинграда. В один голос они пели: «Здравствуй, Невский, здравствуй, Кировский...».

Напротив них, в нескольких шагах, на топчанах, лежали, подставив свои стройные загорелые тела солнечным лучам, две молодые особы. Одна из них совсем юная, другая – в том возрасте, когда в характере над такой чертой, как гордость, начинает преобладать строгая женская рассудительность. Посредине, между уже знакомым обществом юношей и привлекательными девушками лежала на леске скромная подстилка главного героя этой истории. На прямоугольнике разноцветной клетчатой ткани лежала солидная книга, вызывающая уже одним своим названием уважение к ее владельцу. На синем переплете ее была надпись: «Дмитрий Благой. Творческий путь Пушкина». Рядом лежала тетрадь для записи под карандаш и сам карандаш, искусанный на одном конце, он говорил о том, что его владелец часто над чем-то задумывается.

Такие вещи не часто можно встретить на пляже в середине лета. Если еще добавить, что рядом веселая компания азартно тасовала карты, а чуть подальше в тесном кругу бронзово-коричневых тел, как загнанный в западню зверь, метался волейбольный мяч, то станет ясно, что владелец необычных здесь вещей принадлежал к совсем другой категории отдыхающих. А вот и он сам. Из воды, гордо ступая, выходит на берег юноша чуть больше двадцати лет. У него крепкое тело, неплохо, но неравномерно развитые мышцы, свидетельствующие о том, что юноша некоторое время занимался спортом. Лицо его принадлежало к разряду тех лиц, которые, хотя и не вызывают быстрого доверия, но, несомненно, вызывают приязнь мягкостью своих черт. Откровенным, голубым глазам его, которыми обычно обладают люди с мягким характером, хорошо соответствовал правильно очерченный, короткий нос, острый подбородок противоречил всем остальным чертам лица этого молодого человека и наделял его вид настойчивостью и решительностью, чего в действительности ему недоставало.

Как многие другие студенты, Игорь в это время наслаждался беззаботными днями долгожданного лета. Но если здесь, у моря, многие искали только прохладу, морскую свежесть и просто хороший отдых, то для Игоря этого было мало. Главное, за чем он сюда приехал, было вдохновение. То самое, которое всегда необходимо актеру, ученому и, конечно, поэту. Наш

герой принадлежал к последней категории людей творческих профессий. Свои стихи он давал читать только своему самому близкому другу Кольке, с которым они вместе выросли и сейчас учились в одном институте. Тот восхищался стихами своего товарища, но, в общем-то, относился к его творчеству весьма скептически, В последнее время стихи у Игоря не шли. Задуманная им поэма застыла на месте после первого же десятка строк. Не было рифм, не было нужных слов – не было вдохновения.

Наступившее лето Игорь собирался провести вместе с другими своими однокурсниками в тайге в составе студенческого строительного отряда. Но ему не посчастливилось. Слишком много желающих было в те несколько отрядов, которые формировались в их институте. Игорь не успел досрочно сдать экзамены и вот теперь, вместо того, чтобы строить дома в «комарином краю», он со своим другом Николаем после короткой производственной практики, наслаждались морем и беззаботным отдыхом в студенческом спортивно оздоровительном лагере. По вечерам, как только начинал пустеть уставший за день от суеты и шума морской берег, Игорь спускался по узкой крутой лестнице к морю, искал самое тихое и удобное место и погружался в царство своих самых разнообразных мыслей. Он мог часами просиживать у моря и мечтать. В такие минуты юному мечтателю иногда приходила в голову давно забытая идея, когда-то услышанная интересная фраза, вспоминалась забытая им удачная строка. Возникала новая строчка, другая. С этого момента он уже не мог усидеть на месте, он вскакивал и, медленно прогуливаясь по берегу, подбирал новые строчки, рифмы. Но в последнее время не было ни строчек, ни рифм. Ничто, в том числе и прекрасное море, не вызывало у Игоря ту знакомую жажду творчества, а без этого жизнь ему казалась скучной, однообразной и чувствовал он себя совсем одиноким и разбитым.

Искупавшись, Игорь снова погрузился в изучение творчества Пушкина. Увлечшись чтением, листая страницу за страницей, он вдруг почувствовал, что какая-то сила вынуждает его поднять голову. Еще не осознавая этого, он поднял голову и встретил взгляд не без интереса его рассматривающих девичьих глаз. «Где-то я тебя видел», – подумал Игорь и снова углубился в чтение, но уже не с таким увлечением, поскольку волшебный взгляд незнакомки не давал ему покоя. Он снова посмотрел в ту же сторону и снова встретил те же, устремленные на него глаза. «Боже мой, а она хороша собой!» – отметил мысленно он, отводя свой взгляд.

Надо сказать, что мечтательный Игорь не был сторонником знакомств на пляже или на танцах. Как все романтики, он надеялся встретить свою Василису Прекрасную в более романтичном месте, чем на многолюдном пляже. Но сейчас, то ли его личное одиночество, то ли одиночество этой девушки, обратившей почему-то внимание на увлеченного чтением парня, побуждало его к знакомству. Но у Игоря был один существенный, как он считал, недостаток: он не принадлежал к тем людям, которым знакомство с девушками дается легко. Отложив в сторону книгу, он задумался над тем, о чем заговорить с незнакомкой. Пригласить ее пойти вместе искупаться? Но это будет явно очевидно, что я хочу с ней познакомиться, начал рассуждать Игорь. Может быть, он и нашел бы в этот момент способ заговорить с очаровательной девушкой, одиноко лежавшей на песке в нескольких шагах, от него, если бы не его друг Колька.

Полная противоположность Игорю, Николай принадлежал к той категории людей, которые за все дела, важные и неважные, легкие и трудные, берутся сходу, не задумываясь. Его хорошо подвешенный язык работал безустанно, как отбойный молоток. Веселый и несколько легкомысленный, он легко заводил знакомства с любым человеком. За два дня в Каролино-Бугазе у него появилось не меньше десятка, по его словам, интересных девушек и теперь он, конечно, не скучал. Он застал Игоря в тот момент, когда тот бился над проблемой предстоящего знакомства.

– Ну что, все просвещаешься и вдохновляешься, – сказал Колька, не подозревая, что за мысли в голове друга.

– Да не совсем так, – задумчиво ответил Игорь, продолжая лежать на спине. Николай, посмотрев на лицо друга и увидев на нем сосредоточенность, не без интереса спросил:

– Что, есть новые стихи?

– Нет, – ответил Игорь, – хотя подожди, – вдруг оживился он, – хочешь, экспромт выдам?

– Давай, валяй,

– Вот, посмотри, белые облака. На что они похожи?

– На что? На облака, ну, еще на хлопья ваты.

– Чудак ты. Хлопья ваты – это неинтересно. Вот, послушай, что я думаю.

– Облака... словно стадо овец, полем, из далека, в дальний неба конец, все плывут облака, а за ними с кнутом, как невидимый дух, на коне молодом – старый ветер-пастух...

– Великолепно! – восхитился Николай. Значит, вдохновился, на пользу тебе идет Бугаз.

– Это получилось совсем внезапно. Сверкнула мысль, и погасла.

– А тебе бы вот такой источник вдохновения, – указал он взглядом на симпатичную девушку, стоящую у раздевалки.

– Она подстриженная, а мне нравятся длинные волосы.

– О, у тебя еще и вкусы есть. Тогда почему ты отрекся от Лены? У нее ведь неповторимые волосы и она по тебе еще и сейчас сохнет.

– Просто мне другие нравятся. Я понимаю, что она замечательная девушка, но таких, как она, много. Да и стихи она не любит. А я хочу встретить такую, чтобы была нежна, как букет роз, ласкова, как утренний луч солнца, – впадая в мечтательную грусть, проговорил Игорь,

– Как же она будет любить стихи, если ты о ней не написал ни строчки, а женщины очень самолюбивы, мой друг, – авторитетно заявил Николай.

– Чтобы написать стихи о девушке, нужно от нее с ума сходить.

– Ну, ищи свой несуществующий идеал. А я вот предпочитаю не отказывать во внимании хорошеньким девушкам и, как видишь, мне никогда не скучно и нет никакой надобности тратить время на сочинение стихов. Жить надо проще и не создавать для самого себя лишних проблем.

Безобидно начатый разговор начал приобретать острый характер. Игорь чувствовал, что он может закончиться очередной ссорой с другом, но закончить его на этом месте означало бы согласиться с Колькой, в том, в чем он никогда с ним не соглашался.

– Но согласись, – продолжал Игорь, – что разбрасываться своими чувствами не в твою пользу, не говоря уже о твоих «хорошеньких девушках».

– Ерунда, любовь не жидкость, которую можно накопить, поставив плотину, или пролить, пробив дырку в сосуде.

– Но и не вещь, которую можно кому угодно давать взаймы и возвращать. В таком случае любовь теряет свой смысл, свою ценность. Твои ежедневные увлечения ничего не стоят, кроме душевной пустоты тем, кого ты увлекаешь на несколько дней. Любовь – это святое чувство, – решительным тоном, дающим понять, что больше не желает разговаривать на эту тему, сказал Игорь.

Николай помолчал с минуту, давая остыть внезапно вспыхнувшему другу, затем примирительно, как бы про себя, сказал:

– Чудак ты какой-то, не от мира сего. Какой же, по-твоему, должна быть любовь? Как у шекспировских Ромео и Джульетты? Да это же глупо, чтобы ложиться в гроб с любимой, когда вокруг столько прекрасных и милых женщин. Если бы все так преданно любили, то человечество давно уже истребило бы себя. И, вообще, такая любовь, слава Богу, существует только в сочинениях писателей для того, чтобы людям не скучно было жить и наслаждаться настоящей любовью. Вот посмотри, – кивнул Николай в сторону двух девушек, стоявших на солнце после купания, – какие грации, сколько в них прелести. Вкусить такой плод – это же наивысшее счастье. Не верь тому, кто говорит, что все женщины одинаковы. Каждая из них хороша

по-своему, и чем больше их у тебя, тем больше тебе их хочется. Всех их познать невозможно, но стремиться к этому нужно, – закончил он свое наставление.

– Это мы уже где-то слышали: чем больше имеешь, тем больше хочется, всех перелюбить невозможно, но стремиться к этому нужно.

– Любовь, как сказал один поэт, бывает разной, «бывает отблеском на льду, бывает болью неотвязной, бывает яблоней в цвету». Но то, о чем ты говоришь, никакого отношения к любви не имеет. Это всего лишь животный инстинкт, который сидит в тебе от твоих далеких предков. Кроме естественного влечения к женщине, есть еще чувства, побуждения, которые отличают современного человека от его пещерных предков. Жить одним влечением без этих человеческих чувств, значит, опуститься до уровня обезьяны, – с едким сарказмом ответил Игорь.

– Помнишь, – продолжал он, – у Александра Блока по этому поводу есть такие строчки: «Только влюбленный имеет право на звание человека»?

– А, по-моему, он здорово гиперболизирует. Так, кажется, это у поэтов называется? А если я не способен быть Ромео, то, что ты мне прикажешь делать? Каждый любит, как умеет.

– Вот в этом ты прав, – согласился Игорь, – так любить, как Ромео и Джульетта, не всем дано, это дар небесный, им надо обладать.

Он вспомнил взгляды незнакомой девушки и посмотрел в ее сторону. Она, искупавшись, сидела на песке и причесывала слегка намокшие, не очень длинные, но пышные волосы.

– Пойду, искупаюсь, – сказал Игорь и, ступая важной походкой, прошел мимо нее, глядя в противоположную сторону.

Во время купания вода, очевидно, придала робкому юноше смелости и решительности. Выходя из воды, он твердо решил остановиться возле прекрасной незнакомки и заговорить с ней. Но судьба решила иначе – на том месте, где лежала она, было пусто. Игорь окинул взглядом пляж и увидел ее в белом платье в синий горошек, поднимающуюся по тропинке на крутой берег.

На следующий день, утром, Игорь, придя на пляж, расположился на прежнем месте. Некоторое время спустя, на свое же место явилась знакомая компания с гитарой, на топчанах, как и вчера, лежали те же девушки, но ее не было. Солнце уже подходило к зениту. Игорь прочитал уже больше сотни страниц монографии о творчестве Пушкина, когда вновь почувствовал на себе необъяснимое действие ее взгляда. Она смотрела на него сквозь большие круглые стекла модных очков. Они были не очень темные и за ними угадывались ее глаза. Игорю очень захотелось узнать, какого они цвета, Он желал, чтобы они были черными, но цветные стекла очков не давали возможности определить, так ли это. Ее красивые волосы темно-золотистого цвета были разделены на две небольшие косы и касались ее плеч. Овальное лицо с правильной формы носом и красиво очерченными губами было мило и приветливо.

Она была не одна – рядом сидел симпатичный белокурый юноша, который живо, часто улыбаясь, рассказывал какую-то историю или веселый анекдот. Они сидели в трех шагах, и до Игоря сквозь пляжный шум доносились только некоторые слова. Ему стало почему-то очень досадно. Он был недоволен всем: своей нерешительностью, встревожившими его сердце взглядами незнакомки, и больше всего тем, что этот юноша так уверенно сидел сейчас возле нее и увлеченно о чем-то болтал. Он встал, собрал вещи и решительно направился в расположение лагеря. При выходе из пляжа, он стал в очередь за мороженым. Позади него стояло уже человек пять, когда вдруг рядом появилась она в своем черном купальнике.

– Будьте добры, возьмите мне пломбир, – сказала она, протягивая Игорю деньги. Глаза ее глядели сквозь стекла очков, приветливо улыбаясь.

«У нее, кажется, голубые глаза», – подумал он. Рука его уже поднялась, чтобы взять у нее деньги, а губы уже готовы были произнести: «Пожалуйста», как тут подействовала то ли не утихшая в сердце досада, то ли его упрямый характер, но то, что он сказал, не соответствовало его желанию.

– Будьте добры, станьте в очередь. Здесь не так уж много людей, – произнес Игорь и тут же пожелал, чтобы у него отпал собственный язык.

Она смутилась, ее еще не загоревшие щеки порозовели. Опустив глаза, она ушла в конец очереди. Игорь получил порцию своего любимого эскимо и, довольствуясь его прохладой, гордо шел, проклиная самого себя. В душе его кипела злость за свой поступок, а присущая ему гордость наполняла сердце каким-то легким чувством, как бы говоря: молодец, Игорь, пусть не думают, что у нас в голове только и мысли, что о них.

Следующие два дня Игорь не видел ее. Он жаждал встретить ее, поклялся самому себе, что, как только увидит ее, попросит у нее прощения, и тут они познакомятся. Но ее больше у моря не было. У Игоря пропал всякий интерес к отдыху. Сказав Николаю, что ему надоело здесь убивать время, он ушел в лагерь, собираясь утром уехать домой.

Вечером он снова пришел к морю. Солнце уже зашло за горизонт, но было еще светло; берег уже опустел, но слышались возгласы одиноких купающихся. Игорь пошел к самому тихому месту – недостроенному причалу, прошел по нему в конец, и, опершись на ржавые перила, застыл. У ног, как огромный орган, пело, пенясь волнами, море, окутанное легкими надвигающимися сумерками. Волна за волной, налетая друг на друга, решительно отбивали аккорды и брызги соленой воды падали ему на руки, лицо, разлетаясь после каждого удара волны, как снопы звуков из волшебного инструмента. Игорь не первый раз слышал эту песню моря, но сегодня она показалась ему не такой, как всегда. Что-то величественное и одновременно тревожное было в этих звуках. В последние дни сердце его было переполнено непонятным волнением, как бы в ожидании чего – то несбывшегося. Но главное, что он почувствовал в себе – прилив какой-то ощутимой силы, уверенности в себе, как несколько месяцев назад, в самом начале весны, здесь же в Каролино-Бугазе. Первая строка пришла внезапно, остальные он подбирал медленно, но уверенно, как музыкант подбирает звуки, разучивая на слух новую мелодию. Ему казалось, что само море шепчет ему нужные слова. «Как хорошо дышать прохладой, поклон свой морю принеся. Поговорить с тобою, море, надо, пока огонь мой не иссяк. Пока твою я слышу песню, и твой во мне звучит прибой, пока огню желаний тесно, давай поговорим с тобой. Романтик страстный я, мечтатель, твоим величием удивлен, души прекрасный врачеватель, я так давно в тебя влюблен. Влюблен в поэзию твою я. Не знаю сам, с каких уж пор, я прихожу к тебе, тоскуя, послушать волн веселый спор. У берегов твоих поэт находит вдохновенье, моряк нашел в волнах завет, а я ищу забвенье. Одни идут к тебе с любимой, а я иду с мечтами, плывут мечты под парусиной далекими краями. Вот, как по струнам, по волнам нагой играет ветер, зовет меня к морским богам, мечтам моим навстречу. Зовет за даль, где синей нитью, прочерчен неба горизонт, где по утрам волшебной кистью, приподнимая звездный зонт, художник Солнце красит небо синевой...»

Мысли текли, складываясь в рифмованные строки, но Игорь уже не думал о том, что он сочиняет стихи. Он просто мечтал, вдыхая пьянящий запах моря, вслушиваясь в его шум.

Утром он проснулся с легким настроением и радостным предчувствием. Желания покинуть море и уезжать из лагеря, как будто и не было. Он сказал Николаю, что уезжать передумал. «Хорошо, Байрон, – съязвил Колька, отмечая его необычно радостное выражение лица, – я уже думал, что на тебя хандра напала. Ну, что же, тогда – вперед!»

И они, схватив полотенца, помчались к морю. Вскоре Игорь убедился, что поступил правильно, не уехав, домой. Здесь, на залитом солнцем морском берегу, он снова увидел среди пестрящих разнообразными цветами купальников ее знакомую фигуру. При виде ее, с сердца у Игоря мгновенно спала тяжесть и досада, лежавшие в нем последние дни, стало легко и радостно. Он вдруг понял, что сама судьба велела ему познакомиться сегодня с этой девушкой. Упоенный радостью предстоящего знакомства, Игорь выбирал подходящий момент, чтобы подойти к ней.

Но радость была преждевременной. Так хорошо начавшийся для него день кончился печальным случаем, ибо та же коварная судьба вдруг резко изменила ход событий, вскоре после полудня, когда к нему подошел Николай и предложил: «Пойдем, окунемся».

Окунуться решили с недостроенного причала, где купающихся людей было мало. Хотя громко предостерегающая надпись здесь гласила: «Не прыгать! Опасно! Сваи!» несколько смельчаков, очевидно, хорошо знакомые с морским дном в этом месте, по очереди, друг за другом, проделывали различные прыжки в воду. Игорь, подойдя с Николаем на причал, узнал среди нескольких стоявших в стороне девушек, ее. Она с интересом следила за опасным купанием. Увидев ее, Игорь тоже решил продемонстрировать свое умение в прыжках в воду. Забыв о подстерегающей здесь опасности, он разбежался по причалу и мягко оттолкнулся на его конце. Во время разбега он услышал звонкий девичий голос: «Осторожно! В той стороне...» Остальных слов ее Игорь уже не слышал. Описав в воздухе красивую дугу, он головой рассек стекловидно – зеленоватую толщу морской воды. Под водой он вдруг ощутил сильный удар в голову о что-то твердое. Остатком затуманенного сознания он понял, что должен во что бы то ни стало вынырнуть. На поверхности он еще успел услышать человеческие голоса и увидеть очень яркое солнце. Лишь позже он узнал, как та девушка, ради которой он решил продемонстрировать прыжок в воду, поняв, что случилось ужасное, первой бросилась ему на помощь. Он не помнил, как Николай с несколькими парнями доставил его на берег, как суетился возле него врач, оказывая помощь. Пришел в себя только в машине скорой медицинской помощи. В больнице врач сказал, что у него легкое сотрясение мозга и приличная рана на голове – несколько дней придется полежать. Потом пришел Николай и сообщил, что состоянием его здоровья интересовалась одна девушка, которая первой бросилась ему на помощь. Обещала навестить. Игорь, догадываясь, кто это может быть, сказал, что у него здесь нет никаких знакомых девушек. Он еще несколько дней пролежал в больнице, каждый день надеясь, что вот сейчас откроется дверь и в палату войдет Она. Но этого так и не случилось.

II

Шла последняя пара первого дня занятий в институте после летних каникул. Лекция по теории резания металлов приближалась к концу. Лектор, молодой доцент, терпеливо объяснял влияние различных факторов на величину силы резания. Соскучившиеся за два месяца по институтским аудиториям студенты слушали внимательно и сосредоточенно конспектировали. Игорь тоже писал. Но, если бы (о, не дай Бог этому случиться!) преподаватель узнал, что пишет студент Горский, жарко пришлось бы ему на экзамене. Несколько дней назад он увидел картину Репина и Айвазовского «Прощание Пушкина с морем». В ней было столько поэзии, мыслей, что Игорь все эти дни ходил под впечатлением, стараясь выразить его в стихах.

Послышался звонок. В аудитории сразу стало шумно, Все спешили покинуть аудиторию, Игорь сидел, увлеченный своими мыслями и дописывал последнюю строфу. Лектор у доски отвечал оставшимся студентам на вопросы. Выходя из аудитории, он посмотрел на сидящего неподалеку от выхода Игоря и, наверное, подумал: «Какой старательный студент, все поспешили оставить аудиторию, а он все еще что-то записывает». Но, переведя взгляд, из сосредоточенного лица студента на конспект, он увидел, что лекция была законспектирована необычно. Записи на всю страницу сменялись четверостишиями. Он остановился возле не замечающего его студента.

– Вы что, записываете лекцию в стихах? – поинтересовался он.

Игорь, как бы очнувшись от приятного сна, поднял голову и растерялся.

– Да... нет, это я просто писал куплетами.

– Разрешите ваш конспект, – сказал заинтересовавшийся преподаватель.

– Сквозь толщу лет, после дуэли, пришел на берег к морю он, – прочел он вслух из конспекта студента. – Как ваша фамилия?

Игорь не знал, что делать. Он понял, что попал на заметку грозному доценту и на экзамене ему придется очень туго. Но деваться было некуда, и он назвал свою фамилию.

– Что ж, Горский, стихи неплохи, но на экзамене я буду спрашивать вас теорию резания металлов, и если будет все хорошо, тогда, возможно, поговорим о стихах. Так что, смотрите.

«Этого мне только не хватало, – думал огорченный Игорь, – принесло ж его в последний момент».

В минуты перерыва между лекциями коридоры института напоминали пчелиный улей. Игорь спускался по переполненной центральной лестнице в вестибюль. Все было заполнено шумными речами студентов. Встретившись после каникул в родном институте, они обменивались рассказами о проведенном лете. Слышались рассказы о Болгарии и Польше тех, кто побывал там на практике. Приехавшие из Целины, Тюменской области, Якутии, делились впечатлениями об увиденных краях и работе в студенческих строительных отрядах. Вдруг Игорь вздрогнул от неожиданности. Тог же взгляд! Она поднималась навстречу по лестнице, Игорь, перехватив ее краткий взгляд, опустил голову, но тут же, желая убедиться, что не ошибся, еще раз посмотрел в ее сторону. Взгляды их снова встретились и разошлись. Они разминулись молча, едва не задев друг друга. Сердце у Игоря от волнения делало не меньше ста ударов в минуту, а в голове пронеслись мысли: «Как будто чудный сон приснился – передо мной, в который раз, твой яркий образ появится, глазам не верю я сейчас».

После этой встречи Игоря вновь постигло знакомое волнующее чувство. Он стал еще более задумчив. Всюду он думал о ней, о том взгляде и приятных глазах. Теперь он еще больше жаждал случайных встреч с ней и искал повода для знакомства. Однажды, возвращаясь из института в свое общежитие, Игорь поднимался на свой этаж и неожиданно столкнулся с ней. Они обменялись взглядами, подобно тому, как тогда в институте. Скоро он узнал, что она учится на третьем курсе инженерно-экономического факультета и живет в этом же общежитии. А еще через несколько дней он узнал, что судьба свела их совсем близко и комната, в которой живет она, находится под комнатой, где жил Игорь со своими однокурсниками. Как близко и в то же время, какой далекой была она. Их случайные встречи стали теперь еще чаще. При этих встречах с Игорем происходило что-то невероятное. Сердце его трепыхалось в груди, как птица, внезапно попавшаяся в невидимые сети. У него было десятки случаев, чтобы познакомиться с ней. Но какая-то неведомая сила при встрече с ней сковывала его язык, он волновался и чувствовал себя, как загипнотизированный кролик. Но вскоре все изменилось, Игорь перестал искать случая для знакомства с ней и в свободное от занятий время стал еще с большим увлечением сочинять стихи.

III

Вечером Валерия возвращалась с подругами из кинотеатра. Все были под впечатлением просмотренного фильма. Девушки шли к общежитию кратчайшей дорогой, по узкой тропинке через молодой, недавно разбитый парк. Перебивая друг дружку, высказывали свое мнение о фильме.

– Интересная история, – промолвила молчавшая до сих пор белокурая Лида, – но неправдоподобная. Такое разве что в книгах да кино бывает,

– Нет, девочки, – возразила Людмила, – в жизни еще и не такое бывает, я верю, это очень возможная история.

– Это же надо быть таким счастливым, – сказала Валерия, – набрать телефонный номер из таких разных цифр, пришедших в голову самым разным людям, и попасть в квартиру именно одинокой женщины, да еще и сотрудницы.

– Если бы не телефон, – добавила Лида, – они бы всю жизнь прожили, не заметив друг друга.

Войдя в общежитие, девушки направились к столику с письмами, чтобы посмотреть сегодняшнюю почту. Валерия не надеялась, что для нее тоже может быть письмо. Она вчера лишь получила письмо из дому от сестры и еще не успела, на него ответить. Но вместе с подругами подошла к столику и среди писем в ячейке с буквой Е увидела конверт с незнакомым почерком. На конверте была ее фамилия. Она сначала подумала, что это ее однофамилица, но в адресе был указан номер ее комнаты. На месте обратного адреса было чисто. Ей не терпелось узнать, от кого же письмо. Она тут же его вскрыла и с удивлением прочла:

Я с тобою совсем не знаком.
Даже имя твое я не знаю.
Но при встрече с тобой я тайком
Робким взглядом тебя провожаю.
Ты пройдешь, как виденье из сна,
На беду, иль на счастье, быть может,
В моем сердце вдруг вспыхнет весна,
А глаза твои нежно встревожат.
О любви я давно позабыл
И вдруг – ты, как из сказки явилась,
Ты приносишь мне море стихов
О любви, что ночами мне снилась,
Я пишу, выбирая слова,
О чертах твоих девичьих, нежных,
Твоих кос золотая трава
Так мила на челе белоснежном.
Твои очи – мои две мечты,
Что одна на другую похожи;
В первой – счастье такое, как ты.
Во второй – ты и счастье вновь то же.
Мне с тобой было б все по плечу
И стихи – легче будничной прозы,
Я сравнить твои губы хочу
С лепестками прекраснейшей розы.
Все до капли мне мило в тебе,
Мне краса твоя сердце тревожит,
Я живу, удивляясь судьбе,
Что такая на свете быть может.

Внизу, под последней строкой вместо подписи стоял скрипичный ключ. Загадочное письмо заставило Валерию задуматься. Кто же это мог написать? Она перебрала в памяти всех знакомых ребят, но вряд ли кто-нибудь из них был способен на такие нежные и откровенные стихи. Да и в письме же сказано: «Я с тобою совсем не знаком». Тут она вспомнила Каролино-Бугаз и подумала: «Это он». Но тут же отмахнулась – как часто мы желаемое принимаем за действительность.

IV

Была суббота, середина сентября. Вечером ребята из общежития ушли в кино. Игорю в кино не хотелось. Он решил просто побродить по городу, как это часто делал раньше. Шел по улицам вечерней Одессы, обьятой легкими сумерками, и думал о том, какой это необычный для него город. Где бы он ни был, в каком прекрасном городе не находился, а в Одессу всегда возвращался, спешил с радостью и волнением. Она нравилась ему всякой: зимней, когда все скупно припорошено снегом, тротуары и мостовая покрыты корочкой льда, по которому молодые одесситы спешат уверенно и бесстрашно, а одинокие старушки просят помощи, переходя улицу; или, когда на улице сырая погода, туман окутывает тоскующие порталные краны, с беспомощно свисающими стрелами, а вместо голубой морской глади – снежно-ледяное покрывало, сливающееся вдаль с молочным туманом. Летней, когда солнечная Дерибасовская шумит, переполненная до позднего вечера пестрым и разнообразным людом, когда пляжи звенят тысячеголосыми человеческими хорами, а море, как сказал поэт, синее такое, хоть в авторучку наливай. Осенняя, когда под ногами звенит золото опавших листьев, которые дворники бессердечно сметают и бросают в урны, а внезапный порыв ветра срывает шляпу с солидного прохожего и тот бежит за ней вдогонку по Приморскому бульвару, пока ее не поймает кто-нибудь другой; когда тоскливый осенний дождь украсит улицы пешеходами с разноцветными зонтиками, умоет тщательно мостовую, и город уже веселей сверкает вечерними огнями, отражающимися в зеркалах луж и сверкающих тротуаров. Но, пожалуй, прекраснее всего Одесса весенняя, когда все меняется: лица прохожих становятся веселее, добрее; прозрачнее становится небо, мостовые и тротуары освобождаются от слякоти, деревья начинают наряжать свой зеленый убор, и затем внезапно замечаешь, что Пушкинская уже прячется в тени пышных, широколиственных платанов. В такие дни нельзя удержаться в комнате общежития. Хочется до усталости бродить по улицам, по берегу моря, вдыхать запах весны, моря и говорить о том, какой это чудный город – Одесса, какое чудо – весна.

Так, мечтая и вспоминая, Игорь не заметил, как пришел на морской вокзал. Вечер был прохладный. Вдруг услышал, как по радио объявили, что через 15 минут теплоход «Прут» отправляется на морскую прогулку. Это, наверное, последняя прогулка, подумал он, уже холодает, скоро закончится сезон. Взял билет в кассе и пошел к теплоходу. На этом маленьком суденышке людей сегодня было мало. Большинство – пожилые пассажиры. Уселся, как всегда, на корме. «Прут» отошел от причала. Он должен был зайти еще в Ланжерон, а затем пойдет в море.

В Ланжероне при посадке пассажиров, Игорю показалось, что он увидел знакомое лицо. «Неужели Колька, – подумал он, – у него же сегодня вечером должна быть тренировка».

Теплоход шел в открытое море. Из репродуктора лилась музыка. На покачивающейся палубе появились танцующие пары. Вспомнил прошлую прогулку летом на этом же суденышке. Тогда было как-то приятней и веселее. Сейчас, ему чего-то не хватало. А, вот чего! Тогда над морем была полная луна. Ее золотистый цвет, отражаясь, переливался в гладких волнах, пролегал лунной дорожкой через море от горизонта до теплохода. А сегодня был безлунный, хотя и звездный, вечер, и от того, наверное, грустнее.

Мысли Игоря внезапно прервал знакомый самоуверенный баритон.

– О чем задумался, детина? – услышал внезапно Игорь, и, повернувшись на голос, увидел стоящего перед ним Николая. Он привстал ему навстречу и от неожиданности снова сел – рядом с Колькой стояла ОНА.

– Каким ты чудом здесь? У тебя же сегодня тренировка должна быть? – обращаясь к Николаю, спросил он.

– Тренировку пришлось отменить. Вот встретил нашу давнюю незнакомую и решили принять по порции морского воздуха. Кстати, познакомьтесь. Это Валерия, девушка, героически бросившаяся на помощь в Каролино-Бугазе одному незадачливому купальщику. А это – мой необыкновенный друг Игорь Горский, имевший счастье оказаться в роли утопающего.

Игорь был растерян от неожиданной встречи.

– Как хорошо, что мы здесь встретились, – еле нашелся он что-то сказать, обращаясь не то к Валерии, не то к своему другу, – одному здесь нечего делать,

– Как это нечего? – удивился Николай, – ты посмотри, какие здесь девушки, какая музыка! Только глупец, вроде моего друга может этого не замечать.

– В таком случае, я приглашаю Валерию, – не обращая внимания на свойственное язвительному языку друга нелестное сравнение, сказал Игорь и протянул Валерии руку.

Палуба покачивалась под ногами и Игорь все время боялся, чтобы не наступить Валерии на ногу, Ветер трепетал ее платьем, расчесывал свисавшие на плечах волосы. Игорь почувствовал, как дрожит под рукой ее упругое тело.

– Замерзла? – просто спросил он.

– Немного. А правда, интересно танцевать на качающейся палубе?

– Да, интереснее и не придумаешь. Я люблю такие прогулки по морю.

– А я помню, как ты сидел на том же самом месте в конце июня. Я сидела с подружкой почти рядом и хорошо тебя запомнила.

– Неужели? – удивился Игорь, – как я мог такую девушку тогда не заметить, это непроситительно с моей стороны, – сказал Игорь и, вспомнив встречу с ней в Каролино-Бугазе, подумал: «Значит судьба уже давно водила нас рядом».

– Ты тоже сидел тогда, о чем-то задумавшись, и все время смотрел в море, – продолжала откровенничать Валерия.

– Да, это было, как раз, после сессии, было о чем подумать. Во время экзаменов, кроме науки, ведь больше нельзя ни о чем думать.

Музыка закончилась, и они возвратились на корму к Николаю. Он тут же пригласил Валерию на следующий танец, и Игорь остался на своем месте, держа в руках сумочку, которую доверила ему Валерия. Он смотрел, как маленькая фигурка Валерии кружилась в вальсе с элегантным высоким Николаем, и в нем впервые ожило незнакомое чувство ревности. Как они встретились, думал Игорь, почему Валерия согласилась пойти с ним на прогулку в море? Впрочем, стоит ли удивляться – для Кольки с его способностями ничего не стоило уговорить любую девушку.

Тем временем «Прут» заканчивал свою прогулку и подходил к причалу в Аркадии. В общежитие, до которого отсюда было минут тридцать ходьбы, возвращались вместе. По дороге Игорь больше молчал и думал о том, как бы Николай не проговорился о том, что его друг сочиняет стихи. Но Николай, казалось, вообще забыл об Игоре и всю дорогу со свойственным ему весельем рассказывал анекдоты из студенческой жизни и историю о том, как ему удалось на экзамене по физике провести за нос грозного профессора Розенберга.

В общежитии, расставаясь с Валерией, Николай сказал:

– Я надеюсь, что это не последняя наша экскурсия по достопримечательным местам кра-савицы Одессы?

– Не знаю, – неуверенно сказала Валерия, – может быть и не последняя. Поживем – увидим. А сегодня спасибо вам с Игорем за хороший вечер.

Она простилась и подошла к столику с письмами, чтобы проверить свою почту. В своей ячейке она с радостью обнаружила новое письмо с уже знакомым ей почерком. Валерия не стала прятать его в сумочку, открыла конверт и тут же стала читать:

Иль ты приснилась ночью лунной,
Или все это наяву?
В плену красы твоей безумной
Я столько дней уже живу,
Мир бесконечный, многозвездный

Стал для меня одной звездой
И я, как путник в ночи поздней,
Грущу и радуюсь тобой.
Ты, словно синяя снежинка,
Что в нежно-белый снегопад
Упала с неба на тропинку,
В пустой, грустящий зимний сад»
Я так боюсь, что ты растаешь
Иль ветер хитрый унесет,
Ведь ты совсем еще не знаешь,
Что для меня ты – это всё!
Свежит меня, как травы росы,
Твоя не петая краса,
Твои рассыпанные косы
И тайны полные глаза.
Бессилен весь перед тобою,
Боясь тебя, как высоты,
Напрасно я ищу порою
Слова редчайшей красоты.
Н то лечу к тебе стрелою,
То вдруг пытаюсь прочь бежать...
Что ж делать мне с твоей красою:
Иль проклинать? Иль воспеть?

Прочитав письмо, Валерия отложила его в сторону и задумалась. Грусть, веявшая от стихов, передалась ей. В комнате сегодня она осталась одна, подруги после занятий разъехались. Людмила – домой в Лиманское, а Лида – к родственникам в Ильичевск. Письма от неизвестного автора, сегодняшняя прогулка на теплоходе, встреча с Николаем и Игорем не выходила у нее из головы. Кто посылает ей эти письма? Судя по тому, что конверт без штемпеля, автор их приносит в общежитие сам, а, может быть, и живет здесь. Может, это кто-то из нашей группы? – гадала она. Но вряд ли. После двух лет совместной учебы, она хорошо знала всех ребят из своей группы. Их всего-то трое и ни один из них не пытался ухаживать за нею. Правда, с Евгением они несколько раз ходили в кино, но то было еще на первом курсе. Может, это Николай, так внезапно встретившийся ей сегодня после лекции в институте и уговоривший ее на прогулку по городу? Нет, лучше бы это был сдержанный и немногословный Игорь, в котором есть что-то загадочное, особенно его взгляд, притягивающий и в то нее время настороженный. Что он подумал о ней, когда увидел ее с Николаем? И что значит тот его невзначай сказанный комплимент? Это так непохоже на него. Неужели я ему нравлюсь, думала Валерия, вспоминая встречу на Бугазе.

У

Вскоре, после той встречи на морской прогулке, в общежитии был вечер танцев. Игорь пришел в небольшой зал, служивший обычно местом для проведения собраний и встреч студентов с преподавателями института. В субботние вечера, дважды в месяц, разумеется, кроме экзаменационной сессии, здесь собирались любители потанцевать и послушать музыку. В переполненном зале, оборудованном студентами из радиотехнического факультета цветомузыкой и усилительной радиоаппаратурой, звучала современная музыка. Было шумно и тесно. Игорь внимательным взглядом окинул зал и увидел Валерию. Она танцевала с незнакомым ему пар-

нем. Увидев Игоря, она, в знак приветствия, ему легко улыбнулась. Он тут же решил пригласить ее на следующий танец. Но не тут-то было! После каждого танца она возвращалась в круг своих подруг, где возле нее постоянно вертелось несколько незнакомых Игорю парней, и, как только звучала музыка, кто-нибудь из них обязательно брал ее за руку и вел на середину зала, в толпу танцующих пар. Игорь начал досадовать. Он так надеялся, на сегодняшний вечер и – вот тебе! Вдруг объявили белый танец, и в его сердце вспыхнула надежда. Но напрасно! Она не подошла к нему. Более того, Игорь увидел, как она пригласила на танец высокого парня в джинсах. Он уже решил покинуть этот зал, когда вдруг поймал на себе ее взгляд, Танцуя, она смотрела на него таким же непонятно приятным взглядом, что у Игоря сразу потеплело на сердце. Не успела еще после короткой паузы зазвучать музыка, как он поспешил к ней. Она встретила его яркой улыбкой.

– Почему ты весь вечер грустишь и не танцуешь? – спросила она, когда Игорь вел ее в танце под трогательную мелодию Рафаэля.

– Потому, что я не люблю такого вида развлечения. Что за удовольствие – ломаться в этом душном зале, когда можно более полезно провести вечер: пойти хотя бы в театр или кино посмотреть, или просто полюбоваться ночным морем.

– Так почему же ты не сделал этого? – допрашивалась она, глядя ему в глаза.

– Потому что не с кем. А самому, знаешь, как-то грустно. Вот давай пойдем завтра в оперу, Я еще не был там после реставрации театра. У меня есть два билета, хочешь?

– С удовольствием, – согласилась она.

Был удивительный тихий осенний вечер, когда Игорь и Валерия возвращались из театра с приподнятым праздничным настроением. За эти несколько часов, проведенных вместе, они чувствовали себя близкими друзьями, как будто знали друг друга уже не один день, а несколько лет. Опьяненные близостью друг друга, они шли по городу, объятые глубоким вечером, разговаривали о трудностях экзаменационных сессий, о приключениях на экзаменах. Вдруг Валерия спросила:

– Игорь, ты любишь стихи?

– Да, особенно Блока и ещё лирику Есенина.

– А эти стихи тебе нравятся? – спросила она и с выражением прочла все стихотворение, которое прислал он ей в своем первом письме.

– Обыкновенные стихи, таких много, – выслушав ее, ответил Игорь, – кстати, чьи они?

– Я сама хотела бы это знать. Мне их кто-то присылает. Обычно вечером я нахожу их в почте общежития на своё имя.

– Интересный поклонник у тебя объявился: «мне с тобой было б все по плечу и стихи легче будничной прозы», – фальшиво передразнил он самого себя и осёкся, поняв, что совершил ошибку, в точности повторив слова, «впервые услышанного» стихотворения. Но, к счастью, Валерия этого не заметила, а может, отнесла это на счет его хорошей памяти, и он продолжал:

– Такую чушь, я не советовал бы тебе даже читать. Почитай лучше Пушкина:

«Бывало, пушка зоревая, лишь только грянет с корабля, с крутого берега сбегая, уж к морю отправляюсь я...»

– Ты не прав по отношению к этим стихам, – перебила его Валерия, – мне они нравятся не меньше, чем стихи Пушкина.

– Ещё бы. Если бы мне написали что-нибудь подобное, мне тоже это понравилось бы. Это самообман, иллюзия. Уверен, что скоро он назначит тебе свидание. И ты пойдешь? – нарочито безразличным тоном спросил он.

– А как ты скажешь? Идти или нет? – лукаво спросила Валерия и с интересом посмотрела ему в лицо.

– Можно подумать, что ты меня слушаешь, если я скажу, что нет, – невозмутимо ответил Игорь.

– Хотя мне тоже интересно узнать, что за тип тебе пишет.

После этой встречи они часто проводили вечера вдвоем. Игорь продолжал тайно посылать Валерии письма в стихах, а она при встрече с ним читала их ему наизусть. Игорь, внимательно выслушав ее, начинал рьяно критиковать собственные сочинения, обвиняя автора, в банальности, в наивности, либо ещё в чем-то. Валерия с удивительным упорством защищала неизвестного автора, проявляя при этом завидную эрудицию.

В одну из таких встреч они снова бродили по городу, когда Валерия с явным сожалением сообщила, что уже две недели, как не получает писем от своего тайного поклонника.

– Ты жалеешь, что он так и не назначил тебе свидания? – спросил Игорь.

– Нет, не поэтому. Я уже привыкла читать, почти каждый вечер эти ласковые, нежные, иногда грустные стихи, что мне их теперь не хватает. Мне кажется, что автор их, человек какой-то необыкновенный.

– Да, наверное, он с рожками, либо еще что-нибудь в этом роде, – сострил Игорь, – поэтому и не показывается тебе, – и уже серьезнее добавил, – всё необыкновенное может быть самым банальным, надо только уметь его рассмотреть. Если ты так любишь стихи, придется мне начать их сочинять, я думаю, у меня получится не хуже, чем у твоего неизвестного поклонника.

– Пора уж, – многозначительно улыбнулась Валерия.

– Хочешь, прочту тебе одно стихотворение? – вдруг спросил Игорь.

– Интересно, – сказала Валерия, – прочти.

– Вечер шалью чернильной лег на плечи домов, расплескал фонари ветром рьяным; на пустой остановке, в грустных звуках шагов человек с георгином румяным, – читал Игорь в унисон такому же вечеру, очень похожему на тот, о котором говорилось в стихах, и перед ней вдруг ожила знакомая картина. Валерия слушала, затаив дыхание.

– ...Смотрит взглядом печальным трамваю он вслед и с надеждой встречает пришедший, а навстречу ему – только ветер, как плеть, кружит в танце с листвой сумасшедшей. Осыпается в сильной руке георгин – лепестки, как печальные речи; на пустой остановке все тот же один, весь в надежде несбывшейся встречи.

...Город блещет глазами рекламных витрин, окунувшись в раскрашенный вечер, на пустой остановке лежит георгин, и лишь ветер с ним празднует встречу, – закончил читать Игорь. Несколько минут они молчали.

Город, умытый осенним дождем, причудливо сверкал, отражаясь в зеркале луж и мокром асфальте.

– Какая безмерная грусть, – сказала Валерия, – и какая знакомая картина. Ой, – вдруг вспомнила она, – так это же в прошлое воскресенье мы видели с тобой георгин на асфальте в городе. Так это ты... – она запнулась на мгновение, – это твоё стихотворение? Как здорово у тебя получилось, я и не думала, что ты можешь писать такие стихи.

– Стихи рождаются у меня самым неожиданным образом. Сначала это может быть какой-то обрывок воспоминания, затем появляется фраза, которая мне понравилась, а дальше мысли уже сами плывут, как плот по течению реки. Конечно, не всегда получается быстро и гладко, иногда надолго забываешь незаконченные строки и возвращаешься к ним через месяцы или даже годы. Но я никогда не пишу черновики. Стихотворение записываю только тогда, когда считаю его совсем законченным.

– У тебя есть талант сочинителя, – знающе заметила Валерия.

– Какой там талант, – отмахнулся Игорь, – хотя в школе у меня за сочинения по литературе были одни пятерки, на сочинении, я и «погорел», когда поступал в первый раз в наш институт.

– Потрясающий случай был, – вспоминал Игорь. – Познакомился я во время сдачи вступительных экзаменов с одним парнем, Василием его звали. Мы сдавали экзамены в одной группе. Интересный такой парень, но боялся он больше всего экзамена по языку, потому, что ошибок делал в письме – море. Говорил он по-украински на местном диалекте, а как говорил, так и писал. Договорились мы, что на сочинении сядем с ним за одним столом. И вот, сидим мы на экзамене, он выбрал одну тему, я – другую, и сочиняем. Приятель мой закончил раньше меня и просит проверить, нет ли у него ошибок. Написал он всего две странички, а как начал я проверять, то ошибок было, почти в каждом слове. Исправил я их, потом проверил свое сочинение, и мы сдали их. Через день приходим, узнаем результат – ему пятерка, а мне два балла.

– Это закономерный случай, – заметила Валерия, – чужие ошибки всегда виднее, чем свои. А это стихотворение твое мне понравилось. Не зря ты мне казался не таким, как все.

– О, какое громкое заявление. Это ты зря. Чтобы так говорить, нужно знать, какие те «все». Неужели у тебя такой богатый опыт?

– Нет, конечно. Но в тебе есть что-то редкое, свойственное немногим. Другие парни случая не упустят, чтобы познакомиться с девушкой, а ты... – она вдруг замялась.

– Ты имеешь в виду тот случай на Бугазе? – спросил Игорь, – извини меня за тот день. Я поступил тогда по-дурачки. Если бы ты знала..., – он замолчал.

– Почему ты не договариваешь? – спросила Валерия, глядя ему в глаза.

– Ты знаешь, сложная у меня натура. Я всегда знаю, чего хочу, но иногда поступаю совсем не так, как мне хочется.

С каждой встречей они всё больше узнавали друг о друге. Игорь нашел в Валерии не только красивую девушку и интересного собеседника, но и доброжелательного друга. Удивительное изменение произошло в ее отношении к его стихам – тем, которые он читал ей сам. Теперь она уже сама указывала на их недостатки и не без основания, а Игорь их защищал, но в итоге, убежденный в ее правоте, сдавался и говорил: «Вы правы, уважаемый критик, придется это переделать». Но роли их менялись, когда Валерия читала новые стихи, полученные по почте. Тут Игорь, зная слабые места своих сочинений, разносил их в пух и прах, а Валерия слепо защищала их, и редко с ним соглашалась.

Чем больше Валерия узнавала Игоря, тем сильнее рос у нее интерес к нему. Он делился с ней всем богатством своего внутреннего мира, часами мог рассказывать о жизни и превращении звезд, о «чёрных дырах», мог мигом разыскать в ночном небе созвездие и рассказать о нем увлекательную историю. Валерия жила, как во сне. Она с нетерпением ждала субботы, конца учебной недели, чтобы вечером встретиться с Игорем, побродить с ним у моря, послушаться его фантазий, поспорить о его стихах. А, придя в общежитие, находила среди писем конверт со знакомым и уже дорогим ей почерком, читала его содержание и засыпала счастливым, умиротворенным сном.

VI

Приближалась экзаменационная сессия, пора сдачи зачетов. После лекций студенты допоздна засиживались над конспектами и учебниками в читальном зале институтской библиотеки. Однажды, придя сюда, Игорь увидел Валерию. Милая, лучезарная улыбка сверкнула на ее лице, когда Игорь подошел к ней.

– Над чем бьемся? – спросил Игорь, садясь на свободное место рядом с Валерией.

– Статистику грызу, скоро курсовую работу надо сдавать.

– А у меня по сопромату скоро зачет. Ты не возражаешь, если я возле тебя сяду?

– Нет, что ты, садись, учи свой сопромат на здоровье.

Игорь раскрыл книгу и углубился в чтение, но мысли то и дело возвращались к Валерии. Ее присутствие, близость, ее дыхание и легкий аромат приятных духов магически дей-

стывали на него, наполняя его сердце нежным, теплым чувством. Он посматривал изредка на ее маленькую, склонившуюся над столом, фигурку, замечал красивые брови, нежные губы и трепетное чувство все больше овладевало им. Формулы сопромата никак не задерживались в его голове. Наконец, Валерия, словно чувствуя его состояние, сказала:

– Может, хватит на сегодня. Давай проветримся немного, все равно через полчаса читалка закрывается.

Они сдали книги, и вышли из библиотеки.

– Итак, куда путь держим? – спросил Игорь.

– Куда же еще можно в таком случае, – сказала Валерия, – в Одессе, куда ни пойдешь, всюду к морю попадешь.

– Да, – согласился Игорь, – все дороги ведут к морю.

А ещё одесситы говорят: если бы в Одессе не было моря, мы бы его выкопали. Правда, нам очень повезло, что наши студенческие годы проходят именно в этом городе? Здесь столько интересных мест. Хочешь, я тебе покажу то место, где бывал Пушкин? – спросил Игорь.

– Ой! Конечно, хочу, – воскликнула Валерия.

Через несколько минут они вышли из троллейбуса на конечной остановке в Аркадия и направились к морю. Была уже глубокая осень. Под ногами, словно о чем-то вздыхая, шуршали последние опавшие листья. Игорь повел Валерию вдоль берега, через некоторое время они спустились к морю в безлюдном, диком месте и остановились у большого валуна, поросшего мхом.

– Вот здесь, – сказал Игорь, – Пушкин, уезжая из Одессы, написал знаменитые строки «Прощай, свободная стихия».

– Откуда тебе это известно? – спросила Валерия.

– А разве ты не видела картину Репина и Айвазовского «Прощание Пушкина с морем»? Там точно такое же место и этот вот камень.

Теперь Валерия все поняла и, хотя ей не была знакома эта картина, но чтобы не разочаровывать мечтательного Игоря, согласилась:

– И в самом деле, похоже.

Ярко светила луна. Море было взволнованное и волны, налетая друг на друга, разбивались об огромный камень и несколько раз осыпали их крупными брызгами. Валерия прислонилась к плечу Игоря, и так они стояли, молча, некоторое время. Молчание нарушил Игорь.

– Когда я впервые забрел сюда, мне это место показалось знакомым, как будто я уже здесь был. Но потом, позже вспомнил эту картину с Пушкиным. Я долго ходил под ее впечатлением, даже стихи написал.

– Прочти, – попросила Валерия.

Негромко, обняв одной рукой Валерию за плечо, едва пересиливая шум морского прибоя, Игорь читал стихи о Пушкине. Слушая тихий взволнованный голос, Валерия представила вдруг великого поэта, его образ в порыве вдохновения ожил перед ней, и она подумала: «И в самом деле, где-то здесь, почти полтора столетия назад ступала его нога. Быть можем, мы ходим по его следам, давно стертых временем».

Голос Игоря звучал в унисон морскому прибоя то громче, то тише. Они стояли несколько минут, молча, вслушиваясь в шум моря.

– Какой чудесный вечер, – вдруг сказала она, – ты бы смог написать стихи о нем?

– Конечно – ответил Игорь, – мне всегда, когда я нахожусь у моря, хочется говорить стихами. На свете есть две стихии, глядя на которые, человек не может оставаться равнодушным. Это – звездное небо и море. Когда я смотрю на звезды, мне слышится голос Вселенной, и я окунаюсь в Вечность, звездой среди звезд летя. Звезды – они, как люди, люди – они, как звезды, светят и угасают на дальних своих путях...

– Звездное небо всегда наводит на философские мысли о конечности нашего бытия и бесконечности космоса, а в море всегда была и будет поэзия. Чудное оно, море! – страстно шептал он ей, – мне кажется иногда, что море – это не бескрайняя шумящая водная гладь, а живое существо... – он замолчал и дальше тихо промолвил, – с такими глазами, как у тебя.

– Почему же – как у меня? – шепотом спросила Валерия, взглядываясь в его глаза, блестящие в лунном свете.

– Потому, что я люблю тебя, Валерия, – ответил он, касаясь ее губ.

Горячее дыхание Игоря обожгло ее губы. Она обвила руками его шею, и ей показалось, что небо качнулось над их головами, а луна стыдливо спряталась за облака. Время, казалось, остановило свой бег, и они стояли в объятиях, не замечая ни усиливающегося шторма, ни обдающих их холодных брызг.

– Как не хочется, чтобы уходил этот счастливый вечер, – прошептала Валерия, – подари мне на память что-нибудь о нем, – сказала она, – хотя бы это стихотворение о Пушкине.

– Хорошо, – согласился Игорь, – только ты его сейчас не читай, прочтешь, когда будешь в общежитии. Согласна? – загадочно спросил он. Она с улыбкой кивнула в знак согласия.

Игорь выбрал момент, когда очередная волна скатывалась в море, и забрался на валун, бывший, по его мнению, свидетелем встреч Пушкина с морем. Уложив на колени портфель с книгами, он стал записывать для Валерии свое стихотворение. Благо над головой щедро светила луна.

В общежитие они возвратились поздно. Но, когда Валерия вошла в свою комнату, девушки, её соседки по комнате, еще не спали, и едва она вошла, засыпали ее вопросами.

– Ты где так долго пропадаешь? Опять с Игорем гуляла? – первой спросила белокурая Лида.

– Нет, она, наверное, ходила на свидание с тем поэтом, который стихи ей присылает, – высказала своё мнение Жанна.

– С Игорем, конечно, – ответила за нее всезнающая Людмила, – тот ей давно уже не пишет,

Счастливая Валерия улыбалась, отшучивалась от подруг, а в ушах её еще шумело море, и пылали на губах горячие поцелуи Игоря. Она раскрыла свою раскладную кровать, неизвестно почему называемую в общежитии «мустангом», и, усевшись на нее, извлекла из портфеля двойной листик со стихами Игоря. На нем были следы, ещё не высохших морских брызг, и ей снова послышался запах моря. Она развернула его и увидела такой знакомый ей почерк. Валерия взглядывалась в неровные строчки и уже не сомневалась в том, кто писал ей столько дней нежные, иногда грустные, но полные любви, письма в стихах. Всего восемь строк было на этом листке из конспекта. Она читала их, замерев от счастья, не слыша ни реплик подруг, не видя их завистливых улыбок:

Я сознание терял от твоих поцелуев
И кружилась в объятиях твоих голова!
Ты – хмельная от счастья – шептала: «Люблю я»,
Я хотел на весь мир прокричать те слова.
Пил любовь я из губ твоих жгучих и нежных
И хотел, чтобы не было счастья конца,
Чтобы вечно пылал в нас огонь безмятежный,
Чтоб слились в одно целое наши сердца...

Абсолютное оружие Фантастический рассказ

Безмерный хаос объял планету

В столицах, городах и поселках день и ночь толпы народа проводили митинги, сходы, конгрессы, великие собрания, съезды. Человечество бурлило, как взорвавшийся вулкан, который дремал несколько веков, накапливая энергию. Оратор за оратором поднимались на трибуну. Слова: «Долой диктатора!», «Долой правительство!», «Да здравствует президентское правление!», срывались с уст выступавших на одном конце планеты, а на другом раздавалось противоположное: «Президента и правительство – в отставку!», «Диктатура или смерть!»...

Так длились дни, недели, месяцы. С каждым днем Планета все больше погружалась во мрак. Сначала остановились заводы и фабрики, потом прервалось воздушное сообщение внутри и между странами, замерли электропоезда. Оставшись без горючего, мертвыми стояли на улице автомобили. На полях фермеров осыпалась пшеница, гнили фрукты и ягоды в садах. Постепенно перестали выходить газеты, еще работали телекомпании и радиостанции, но и в их работе появились признаки разлада и хаоса. Голод, холод и смерть угрожали всему живому. Кто бы мог подумать, что рядовое событие XXI века – правительственный переворот в небольшом государстве, занимавшем несколько островов в Тихом океане, может стать роковым в истории земной цивилизации? Однако это было началом страшного конца, грозившего уничтожить все достижения цивилизации и весь человеческий род. В последующие за переворотом несколько недель, все информационные агентства мира сообщали о политическом кризисе, охватившем это островное государство. За ним пошли сообщения, что экономику охватил хаос. Люди бросали свои рабочие места, останавливали станки, выходили на площади и с утра до ночи произносили речи. Они не замечали, как скудеют полки их магазинов, не видели, как пропадает в поле выращенный урожай. «Всеобщий подъем» царил несколько месяцев.

Затем похожие события прокатились по другим странам мира. Будто какой-то неведомый вирус поразил сознание людей. На островах и континентах начался всеобщий хаос. С каждым днем из жизни и сознания людей исчезало очередное понятие, как: долг, обязанность, дисциплина, сознательность, работа, труд... Они перестали быть производителями и превратились в потребителей. Смыслом существования каждого из них стало добывание пищи, одежды, топлива. Группы людей из пяти – десяти человек, объединившиеся по принципу никому не известному, рыскали по городам и селам, шарили по складом, опустошенным магазинам. Наиболее разъяренные нападали на жилища, и, если силы нападающих превышали силы защитников, уходили с победой, унося с собой все, что нужно было голодному и полурядетому.

Правительства совсем потеряли контроль над своими народами. Армий больше не существовало. Солдаты, побросав оружие и военную технику, разбрелись по городам и весям. Врагов не было видно, но то, что грозило человеческой цивилизации, было страшнее всех известных донныне врагов.

Вечером на улицах жгли костры из книг, газет и журналов, которые теперь мало кого интересовали. Отблески пламени высвечивали угрюмые, отрешенные лица. Разговоры велись большей частью о том, что, где и как удалось добыть сегодня тому или другому участнику. Изредка у кого-то проявлялись признаки памяти, и он рассказывал о том, как жили они совсем недавно, как много всякого добра было в магазинах и на рынках, как они любили во время работы собираться в курилке и рассказывать анекдоты...

Правительства некоторых государств, хотя и потеряли власть над своими народами, но сохранили способность анализировать ситуацию. Дни и ночи они проводили в поисках

причин создавшегося положения и путей выхода из него. Ученые, которые продолжали что-то открывать и изобретать в своих лабораториях, привлеченные правительством к решению проблемы, выдвинули гипотезу, что всему виной неведомый вирус, принесенный летающими тарелками с космической сверх цивилизации, чтобы уничтожить человечество на Земле.

В небольшом европейском государстве правительство обязало ученых оставить все научные поиски и заняться разработкой средства, которое сможет побороть новый вирус и уберечь людей от внеземной цивилизации.

По городам и селам были разосланы гонцы с указом правительства: того, кто найдет способ или оружие для защиты от инопланетян, ожидает высокая награда – почетный титул Спаситель Нации и поездка на Галапагосские острова, единственное место на Земле, где жизнь протекала в нормальном русле.

Указ правительства немного оживил людей. Но это привело лишь к новому всплеску митингов и собраний, на которых уже не искали виновных в нынешнем положении, а говорили, что нужно что-то делать, иначе всем настанет конец. Спасение пришло совсем неожиданно. Среди беспомощной неуправляемой массы людей была небольшая часть, сохранившая трудоспособность. Правда, они тоже ничего не производили, а целыми днями занимались тем, что рылись в библиотеках и, напрягая свой ум, читали старые книги и журналы, пытаясь найти в них путь к спасению человечества. К ним принадлежал и тринадцатилетний мальчуган.

В прохладный сентябрьский вечер, когда на улицах города привычно запылали костры, Джонни сидел возле одного из них в окружении взрослых людей, над чем-то глубоко задумавшись. Дядя Артур, сосед, предавался воспоминаниям.

– То ли дело раньше было: придешь на завод, врубишь станок, стружка, как змея, ползет из-под раскаленного резца. А в конце месяца пошел в кассу, получил свои законные, зашел в магазин, отоварился и никаких проблем. А сейчас...

Никто не поддержал его разговор, и он взял из груди книг толстый том в плотном переплете, презрительно оглядел его и, бросив в огонь, сказал: «А во всем эти писатели да ученые виноваты. Дописались».

Джонни смотрел, как огонь красными языками набросился на свою жертву, как яростно сопротивлялся синий коленкор. Но огонь оказался сильнее и хитрее. Не сумев овладеть жертвой с фронта, он подкрался к ней с тыла и начал пожирать страницы. Джонни встрепенулся, выхватил книгу из огня, сбил пламя и, взглянув на титульный лист, начал жадно читать. Лицо его при чтении то тускнело, выражая печаль, то внезапно озарялось светом радости, и он почти улыбался. Вдруг он вскочил на ноги и, потрясая книгой над головой, во весь голос, как одержимый, закричал:

– Эврика! Вот что пишет господин Энгельс: труд создал человека! У них все было потому, что они – работали!

Мужчины и женщины тоже вскочили, на их отрешенных лицах промелькнула тень надежды: одержимость и ясность ума, которыми светились глаза Джонни, передались им, и они хором закричали: «Ра – бо – та! Ра – бо – та!».

Джонни повернулся к дяде Артуру:

– Дорогу на завод помните?

Дядя Артур смотрел на него глупо и удивленно, как на привидение. Он никак не мог понять, что хочет от него этот соседский мальчишка. Внезапная догадка осенила его, и остроумное лицо озарила давно сошедшая с него улыбка. Он воскликнул:

– Ай, да Джонни, ай, да молодец!

Вокруг них уже выросла толпа человек в двадцать пять. Они с интересом и с надеждой смотрели на безусого подростка с горящим взглядом и небритого мужчину с тяжелыми рабочими руками.

Дядя Артур повернулся к ним и сказал: «Женщины – по домам, мужчины – за мной!». Толпа, превратившись в стройную колонну, двинулась по улице, скандируя, как заклинание: «Ра-бо-та! Ра-бо-та! Ра-бо-та!». По мере их движения, колонна все росла, пока не превратилась в людскую реку, которая, разделившись на ручейки, потекла к проходным фабрикам и заводам.

Через несколько дней жизнь вошла в нормальное русло. А еще через две недели по всей Планете кипела ритмичная трудовая жизнь.

Так было спасено человечество.

1991

Формула пси-гравитации Фантастический рассказ

Историю, которую я хочу здесь рассказать, я услышал случайно от своего спутника в электричке почти год назад. Все это время я не знал, что с ней делать, верить в нее или нет, рассказывать ее знакомым или лучше молчать.

Это было летом 1988 года. Я проводил свой отпуск в небезызвестном Комарово, на Карельском перешейке под Ленинградом. Помню, был дождливый день в первой декаде июня. Он запомнился мне с утра до вечера, потому что весь день меня сопровождали какие-то приключения. В жизни иногда бывают такие дни, когда тебя на каждом шагу поджидают разные неожиданности. Первая из них случилась, когда я ехал в экскурсионном автобусе по дороге из Ленинграда в Павловск. Сидя на последнем кресле и слушая рассказ экскурсовода, я на какое-то время отключился и вздремнул. Очнувшись, я сразу обнаружил, что куда-то исчез мой фотоаппарат, который, как обычно, висел у меня на груди. Я обшарил все вокруг себя, но его нигде не было. Я уже засомневался в своей внимательности и готов был подумать, что оставил его где-то до посадки в автобус, как вдруг увидел, что он висит у окна на крючке рядом со мною. Я обрадовался и, зная, что у меня и мысли не было туда его повесить, решил, что он упал, когда я дремал, и его поместил туда мой сосед, также время от времени клевавший носом рядом со мною.

Об этом случае не стоило бы упоминать, если бы спустя несколько дней, проявив пленку, я не обнаружил на ней два кадра, заснятые в совсем незнакомом мне месте Ленинграда, в котором я ни разу не был. Оба кадра занимали на пленке место, соответствующее времени исчезновения фотоаппарата. Все остальные кадры располагались в знакомой мне последовательности.

Второе приключение того дня ожидало меня при возвращении в Комарово.

Едва я вошел в электричку на Финляндском вокзале, как она тут же поехала. Я сел у окна, достал из кармана плаща газету «Вечерний Ленинград» и стал читать. Знакомые названия станций: Удельная, Озерки, Парголово, Шувалово мелькали за окном. Отложив газету, я вглядывался через окно в уже знакомый, но редкий для меня по красоте пейзаж. В электричке было немного пассажиров, места возле меня были свободные, и я, засмотревшись в окно, не заметил, как напротив меня оказался подросток лет двенадцати-тринадцати, светловолосый, с голубыми глазами и стрижкой «шведский мальчик». Он сидел и увлеченно читал какую-то книгу. Уловив момент, я прочитал название: «Красная звезда». Неужели это та самая книга, о которой я вчера услышал на экскурсии от нашего гида, библиотекаря дома отдыха? Я решил спросить у мальчика, кто автор книги. Он посмотрел на переплет и сказал: «Богданов». Мне показалось что-то необычное в таком совпадении. Я не выдержал и спросил мальчишку:

– А ты знаешь, что мы сейчас будем проезжать то самое место, где когда-то была написана эта книга?

Мальчик отрицательно покачал головой, и я рассказал ему, что в нынешнем поселке Репино, почти у самой железной дороги, стоял когда-то домик одного финна. В этом доме, известном как дача Ваза, на первом этаже, скрываясь от царской охранки, в 1906 – 1907 годах проживал Владимир Ильич Ленин, а на втором – его соратник по партии, Александр Александрович Богданов, написавший тот самый фантастический роман «Красная звезда», который он держал в своих руках. Моего спутника, очевидно, не очень заинтересовало то, что я ему рассказал, потому что он задал, как мне показалось, совсем отвлеченный вопрос: «А вы кто – писатель или историк?» Я ответил ему, что по профессии – я инженер. По лицу мальчика пробежала тень радости, как будто он нашел то, что давно искал, и он, достав из кармана своей

черной нейлоновой куртки спортивного покроя какой-то клочок бумаги, развернул его, потом сложил вдвое и, протянув мне, спросил:

– Как понять эту формулу?

На протянутом клочке бумаги я увидел фразу, написанную от руки неровными печатными буквами: «УСЛОВИЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ ПСИ-ГРАВИТАЦИИ». Ниже было уравнение, выраженное целой частью и сложной дробью, в котором мне была известна лишь целая часть, выражающая энергию движущегося тела. Дробная часть формулы напоминала мне уравнение квантовой механики, содержащее постоянную Планка. В том, что в нем была постоянная Планка, сомнения не было, так как значение этой величины приводилось ниже.

Я сказал своему спутнику, что не могу объяснить все уравнение, но оно, судя по всему, имеет отношение к энергии движущегося тела, и кратко объяснил ему все, что мне было известно из теории относительности Эйнштейна. Из моего рассказа его больше всего заинтересовало то, что продольные размеры быстро движущегося тела, согласно этой теории, уменьшаются по определенной зависимости. Я спросил его: «А откуда у тебя эта формула?». Он, улыбнувшись, сказал: «Это мне инопланетяне оставили». И тут пришла очередь улыбнуться мне, и я попросил: «Ну, расскажи, если не секрет». «Теперь уже не секрет», – сказал мой юный собеседник и начал свой рассказ.

Витя Хомутов (назовем так моего попутчика) второй час бился над задачей по математике, но полученный результат никак не сходился с ответом в учебнике. Он хотел уже встать из-за своего письменного стола и позвонить кому-нибудь из друзей, чтобы узнать решение изрядно надоевшей ему задачи, как вдруг услышал позади себя тихий писклявый голос: «Хочешь, я тебе помогу?» Витя, удивленный, обернулся и прислушался. Кроме него и попугая Гоши в комнате никого не было. Но маленький волнистый попугайчик не умел говорить. Витя все собирался обучить его хотя бы несколькими словам, но до сих пор ему это не удалось сделать. «Показалось, наверное», – подумал он. «Нет, не показалось», – услышал он тот же голос.

– Кто тут? – с интересом и волнением спросил Витя, – покажись, я хочу тебя видеть.

– А ты не испугаешься? Я твой друг.

– Раз ты мой друг, зачем мне тебя бояться, – сказал Витя, – выходи, не прячься.

И тут он увидел справа от себя сидящего в кресле мальчика лет двенадцати. С нагловато улыбающейся физиономией и рыжими волосами, похожий на Антошку из известного мультфильма, он самодовольно восседал в кресле, глядя на Витю.

– Кто ты такой? Как попал в мою комнату? – спросил он своего новоявленного друга.

– Я прилетел с другой планеты, это очень далеко от места, где ты живешь. Мы несколько месяцев летаем на своей «тарелке» вокруг вашей Земли, изучаем вас. Мне поручено выбрать одного землянина и войти с ним в контакт. Вот я и выбрал тебя. Я знаю, что тебя зовут Витя. А меня называй, как тебе нравится. На нашей планете мыслящим существам не принято давать клички.

– Хорошо, – сказал Витя, – я буду называть тебя Антошкой. А как вы обращаетесь между собой без имен?

– Очень просто, – ответил инопланетянин Антошка, – мы общаемся мысленно. Про кого я подумаю, тот мне и отвечает, и наоборот. При помощи звука мы уже давно не общаемся, это для нас давно пройденный этап.

– Как ты вошел в мою комнату, ведь дверь у нас всегда закрыта?

– Это тоже весьма просто – при помощи этой вот штуки, – он показал на несколько необычный с виду пояс на своих бежевых брюках.

– На вашем языке это называется телепортацией – перемещением в пространстве-времени в результате действия антигравитационных сил, создающих гиперпространство в нужном направлении.

Вспомнив все прочитанные научно-фантастические книги и виденные им фильмы, Витя приблизительно представил себе, что такое гиперпространство и как можно без ничего, при помощи какого-то пояса, перемещаться в нем. Он достал из ящика стола две клубничные жевательные резинки, и, протягивая одну из них Антошке, сказал:

– Угощайся. У меня еще и другие есть.

Антошка взял жевательную резинку и начал с интересом рассматривать ее, не зная, что с ней делать.

– Что смотришь на нее, как мартышка на котлету? – сказал Витя, – клади в рот и жуй – вкусно обалденно!

Антошка посмотрел, как Витя с наслаждением начал размалывать зубами незнакомый предмет и последовал его примеру.

– Действительно вкусно, – признался он, но мы уже давно не питаемся таким образом. Мы умеем потреблять энергию из космоса непосредственно, без всяких там промежуточных процессов. Это и менее хлопотно, и экономит время.

– Интересно – произнес Витя. – У нас, если человек долго ничего не ест, говорят, что он божьим духом питается. А меня ты этому научишь?

– Нет. Этому нельзя научиться. Это результат длительной искусственной эволюции всех мыслящих существ на нашей планете. Чтобы твой организм мог использовать в качестве энергии космическое излучение окружающей среды, например, биоволны другого человека, нужно совершенно изменить конструкцию таких твоих органов, как желудок, печень или дополнить их специальным искусственным органом.

– Жаль, – Витя тяжело вздохнул, – А было бы классно, пойти в турпоход с пустым рюкзаком. Не надо таскать всякую там посуду, банки с консервами. Воздухом подышал и сыт.

Тут собеседник Вити внезапно исчез из кресла, как бы растворился в воздухе, в то же время дверь комнаты отворилась, и он увидел своего дедушку.

– Ты с кем тут разговариваешь? – полюбопытствовал он.

– Ни с кем, – нашелся Витя, – я репетирую новую нашу пьесу, дедушка, не мешай мне, пожалуйста.

Дверь закрылась, и было слышно, как дедушка, шаркая, уходил в свою комнату.

Антошка снова появился в кресле, и Витя спросил его:

– А по воздуху летать, как ты, можешь меня научить?

– Это можно, нужно лишь иметь вот такой транс гравитационный пояс, как у меня. Берешься рукой за пояс, включаешь пси-гравитатор и мысленно задаешь ему направление и место своего нового положения. Через мгновение ты окажешься там, где тебе нужно.

– Вот здорово, – в глазах у Вити засверкали азартные огоньки, – мне бы такую штуку. Хочешь, дам тебе за нее целый блок импортной жвачки – пятьдесят штук, – он достал из ящика стола свое состояние.

Тут требуется объяснить, что Витя Хомутов, ученик 5 «г» класса, очень любил путешествовать. География была его любимым предметом. В классе все называли его Миклухо-Маклаем. Правда, путешествовал Витя, в основном, мысленно, читая книги великих путешественников, или по телевизору, благодаря «Клубу путешественников». Поэтому, когда он услышал о необычном способе передвижения от пришельца Антошки, он решил, во что бы то ни стало, заполучить его волшебный пояс. Но пришелец не спешил расставаться со своим транспортным средством.

– Этот пояс я тебе никак не могу дать, – сказал Антошка, – я без него не смогу вернуться на нашу «тарелку». У нас есть еще несколько таких поясов, один из которых я тебе подарю, если разрешит начальник экспедиции. Подожди меня несколько минут, я скоро вернусь.

С этими словами маленький инопланетянин исчез, но вскоре появился с поясом, очень похожим на обыкновенный брючный ремень от школьной формы. Прежде, чем дать его Вите, он сказал:

– Обещай, что никому не расскажешь, что это за пояс и кто тебе его дал. Никому не говори о встрече со мной.

И когда Витя поклялся, что никому ни гу-гу, пояс переключался в его руки. Он был значительно тяжелее обычного пояса. Витя перехватил им свою талию и защелкнул круглую блестящую металлическую пряжку. Пояс пришелся ему в самый раз. Вите тут же захотелось проверить его волшебную способность, он хотел уже нажать рукой на пояс в указанном месте, но остановился в нерешительности, подумав, что ему предстоит «пролететь» сквозь стены их многоэтажного дома.

– А... это не опасно? – спросил он.

– Не бойся, – ответил Антошка, – при такой скорости перемещения различие плотности твоего тела и среды, в которой ты перемещаешься, не имеет никакого значения. Ведь ты движешься со скоростью, значительно большей скорости света. Во время движения ты превращаешься в энергетический импульс, в сгусток энергии, точнее, в энергетическую волну. Все процессы, которые происходят в твоём организме и в окружающей тебя среде, протекают медленнее, чем скорость пси-гравитации, и с тобой просто не успеет ничего случиться.

– Потрогай меня, – сказал Антошка, – я же материальный, как и ты, но со мной ничего не происходит при перемещении.

Витя ткнул кулаком в грудь Антошки, и, убедившись, что тот, в самом деле, не призрак, нащупал рукой на поясе незаметную кнопку и вдруг увидел, что в каком-то направлении перед ним пространство сжалось в плоскость, стало похожим на смазанный фотокадр. Он оказался на цирковой арене. В городском цирке в это время шло дневное воскресное представление. На арене, огражденной от зрителей высоким барьером из металлической сетки, выступал дрессировщик со львами. Когда Витя, как из-под шапки-невидимки, внезапно возник на середине арены, дрессировщик, ничего не понимая, застыл с бичом в руке. Зрители, приняв это за новый цирковой трюк, загудели и зааплодировали, а львы, почуввав в клетке постороннего, забеспокоились. Один из них, сидящий на тумбе в ожидании команды дрессировщика, чтобы совершить прыжок на тумбу, стоящую позади Вити, не дожидаясь команды, прыгнул прямо на Витю. Зажмурившись от страха и сжимая транс гравитационный пояс, он пожелал лишь одного – поскорее оказаться подальше отсюда.

Появление мальчика на арене и прыжок льва были так неожиданны, что зал сначала замер в шоке, а потом вдруг разразился хохотом. Причиной внезапного веселья стал вертевшийся за барьером человек с фотокамерой. Нацелив ее на приготовившегося к прыжку льва и увидев в объективе, что тот летит прямо на него, он молниеносно отскочил назад, но, налетев на растяжку, удерживающую барьер, кувырком полетел вниз и растянулся за ареной. Зрители в восторге зааплодировали, приняв все это за хорошо отрепетированный номер.

А Витя, оказавшись на улице, шел в это время по улице Садовой, едва держась на ногах от дрожи в коленях. Он понял, что впредь перемещаться в пространстве при помощи пояса Антошки нужно с умом, чтобы снова не оказаться в переделке.

Рядом возник Антошка. Он окинул Витю взглядом с головы до ног и деловито сказал:

– Ты прекрасно телепортируешься. Будь смелее. Пси-гравитатор устроен так, что ты всегда переместишься в свободную область пространства. Теперь ты, мгновенно перемещаясь в пространстве-времени из одного места в другое, можешь оставаться почти невидимым для остальных окружающих. Будь здоров, землянин, – сказал он Вите и исчез в неизвестном направлении.

Витя еще несколько минут шел по Садовой мимо бесчисленных прохожих, которым не было до него никакого дела. На углу Невского, возле Гостиного Двора, он остановился,

пошарил по карманам и, убедившись, что в них совершенно пусто, потоптался на месте и исчез в направлении станции метро Маяковская. Проходившая мимо женщина лет пятидесяти, увидев, как мальчик буквально испарился у нее на глазах, перекрестилась и удивленно закричала: «Украли! Человека украли!».

В это время дедушка Вити, заглянув в очередной раз в комнату внука, увидел на письменном столе раскрытые учебники, недоумевающее оглянулся вокруг и позвал: «Ну-ка, чертенок, вылезай, где ты тут прячешься?» Он заглядывал во все углы: за шторы, за диван, в платяной шкаф – любимое место, куда Витя любил прятаться, но тот как в воду канул.

«Странно, как он вышел из дому, что я совсем этого не заметил», – гадал дедушка и, не найдя Вити в комнате, заглянул на кухню. Но и там его не оказалось. Он достал из холодильника бутылку с напитком «Фанта», налил себе полстакана, медленно выпил и пошел в свою комнату. Часы на стене показывали пять часов дня. Беспокоясь за Витю, он решил позвонить родителям Стасика, у которого Витя часто проводил время. Но тут с ужасом обнаружил, что телефон, не более чем, десять минут назад стоявший на тумбочке, исчез, как будто его никогда тут не было. Сердце его учащенно забилось и он, не веривший в сверхъестественные силы, подумал: «Неужели нечистая сила в доме завелась?» Тут он вспомнил и другие случаи исчезновения и появления в самых неожиданных местах квартиры различных предметов. Он считал все эти казусы результатом своей старости и прогрессирующего склероза. Но после того случая, который произошел около месяца назад, когда Витя еще находился в пионерском лагере, он понял, что в мире существует еще что-то, не зависящее от склероза. В тот вечер они с дочерью, поужинав, сидели у телевизора. Шла очередная серия зарубежного фильма. Он вышел на минутку, на кухню, чтобы запить лекарство и заметил, что бутылка с «Фантой», начатая им после ужина и оставленная на столе, стояла опустошенная, а рядом с ней – крышечка от нее. «Мистика какая-то, – подумал он, входя в комнату дочери, – когда Нина успела ее выпить, ведь она не выходила на кухню – лежала, не вставая, с дивана. Как в том фантастическом романе, где люди перемещаются с места на место, не делая никаких физических усилий: подумала, что ей хочется пить, – оказалась на кухне, а через минуту бесшумно вернулась на свой диван». Но, увидев ее, уставшую за день и дремавшую на диване в полумраке комнаты, устыдился своих легкомысленных рассуждений. Он хотел спросить, была ли она на кухне, но сомнения в себе одержали верх, и он промолчал. Посмотрим, что будет дальше, решил он. Вспоминая этот случай, он уловил своим обострившимся слухом еле слышный звон на кухне. С опаской и любопытством он снова прошел на кухню, но никого там не обнаружил. Бутылка с «Фантой» была пуста. Он возвратился в комнату, сел в кресло и увидел, что телефон, как ни в чем не бывало, стоит на своем месте. В то время, когда Витин дедушка бился над загадочными чудесами, происходящими в квартире, Витя наслаждался прогулкой в метро. Метро всегда привлекало его. Иногда, когда у него со Стасиком оставалось по одному – два пятака от тех денег, что им давали родители на обед, они, выйдя из школы, спускались в метро и путешествовали по любимым станциям. Из всех станций в метро Вите больше всего нравилась станция Черная речка, затем Пушкинская и Площадь Александра Невского. Оказавшись в метро один, он путешествовал от станции к станции сначала электричкой, а потом, когда она ему надоела, перемещался при помощи чудодейственного пояса, который так внезапно свалился на него с неба вместе с инопланетянином Антошкой. Исколесив метро по Невско-Василеостровской и Московско-Петроградской линиям, Витя вынырнул из него на Лиговском проспекте возле своего дома. В квартиру он решил войти обычным способом – пешком по лестнице, чтобы не испугать внезапным появлением своего дедушку и не вызвать у него лишних вопросов. Лгать он не привык, а поэтому, когда дедушка открыл ему дверь, он, желая предупредить его расспросы, сказал: «Извини, дед, я решил пойти погулять, а ключ забыл». – Почему ты не сказал мне, что идешь на улицу? – строго спросил дедушка. – Ты знаешь, дед, я так вне-

запно захотел погулять, что забыл тебя предупредить. Дедушка озадаченно смотрел на Витю. Такого ему никогда не приходилось слышать от внука. Взгляд его привлек незнакомый пояс на брюках Вити, и он спросил: – Откуда у тебя этот ремень? – Это мне один мальчик подарил, – стараясь говорить правду, ответил Витя. – Мне нравится такой ремень, я за него дал ему пачку жвачки. Возвращение Вити несколько успокоило дедушку, но он еще находился под сильным впечатлением приключившихся с ним историй и решил, пока дочь, работающая медсестрой в клинике, не вернулась с работы, поделиться происшедшим с внуком. – Витя, ты не замечал ничего странного в последнее время в нашей квартире? – спросил он. – Вроде нет, дедушка, а что случилось? Когда дедушка поведал ему о странном исчезновении и появлении телефона в квартире, о выпитом кем-то напитке на кухне, Витя высказал предположение: – Наверно, в нашем доме невидимка поселился. Ты же читал в газетах, да и по телевизору недавно показывали, что есть на свете невидимки. Кто они такие, это наука еще объяснить не может. Я думаю, что это инопланетяне нас изучают, – сказал он в заключение, – не иначе, как они нашли нас, а теперь изучают нашу цивилизацию. – Какие там инопланетяне, – возразил дедушка – мы ищем их вот уже почти тридцать лет, посылая сигналы во Вселенную и изучая небесные радиосигналы, и за все это время ни одного случая, ни одного признака их существования. – Вот мы их не можем найти, а они нас смогли, значит у них более развитая цивилизация, чем у нас. Сейчас они изучают нас, не желая выходить с нами на прямой контакт. Видно, им так нужно. Дедушка не стал спорить с внуком. «Кто его знает, – подумал он, – может и в самом деле что-то такое есть на свете. Не зря же эти чудеса творятся в квартире». На следующий день по городу пошли слухи о мальчике-невидимке, об инопланетянах, которые на глазах у всех уносят людей. Происшествие в цирке передавалось в виде двух версий. Одни очевидцы рассказывали его, как невиданный цирковой трюк, другие, как появление мальчика-невидимки, посланца инопланетян. Один лишь Витя Хомутов знал истинную цену этим слухам, но помалкивал, хотя, ох, как ему хотелось поделиться своей тайной с другими мальчишками! Но удерживали его от этого клятва, данная Антошке инопланетянину, и боязнь потерять свой чудо-пояс. Витя пользовался им сначала в пределах Ленинграда. С пси-гравитатором у него появилось больше свободного времени. Теперь он никогда не спешил в школу, выходил из дому позже обычного, но успевал побродить по Невскому проспекту, разглядывая афиши у кинотеатров. Но вскоре он решил, что при помощи пси-гравитатора он может побывать в любом уголке Земного шара. Интерес к путешествиям владел им всегда, но дальше, чем в Ялте, он не бывал. Сначала он решил провести путешествие на небольшое расстояние и «слетал» в город Пушкин и Павловск, затем посетил Петродворец. В Петродворце он был впервые, пристав незаметно к группе экскурсантов, он жадно все смотрел и слушал. Независимое положение, которое Витя получил с приобретением пси-гравитатора, возможность попасть мгновенно в любое место на географической карте, не боясь опоздать в срок к обеду или ужину, нравилось Вите. Он жалел только об одном: что путешествовать ему приходилось одному, без друзей, но, как истинный путешественник, он вскоре привык к этому. Однажды он вышел после окончания уроков из школы и решил посмотреть на Токио. В школьной форме с ранцем на спине он оказался в самом центре японской столицы. Огромный, мало сравнимый с Ленинградом город, сначала испугал его своим шумом, большим количеством людей, автомобилей. Такого огромного скопления людей он не видел в пятимиллионном Ленинграде даже в самые сложные часы пик, когда метро гудит, как переполненный улей. Стояла непохожая на погоду в Ленинграде жара. Витя шел мимо текущей в обе стороны людской реки, прижимаясь ближе к зданиям и рассматривая незнакомый ему мир поверх голов совсем чужих людей. На мальчика в школьной форме никто не обращал внимания. В загазованной автомобильными выхлопами атмосфере было очень тяжело дышать, вскоре он почувствовал жажду. Японцы по очереди заходили в кабины-автоматы и, получив за монетку порцию обогащенного кислородом воздуха, продолжали свой путь по городу-исполину. На перекрестке Витя увидел, что на него с чрезвычайным любопытством смотрит регу-

лировщик полицейский. Он впился в Витю глазами, как удав, забыв, что от его движений зависит движение на улице. Взгляд его был устремлен на Витин пионерский галстук. Только тут Витя сообразил, чем может обернуться его невинное путешествие. Полицейский, что-то закричал на своем языке и показал жезлом на мальчика с красным галстуком на шее. Витя инстинктивно бросился убежать, но тут же наткнулся на ноги прохожих и был сбит. Когда он поднялся, рядом был уже полицейский, схватив Витю сначала за ранец, а потом за руку, он, что-то щебеча на своем языке, потащил его за собой. Вите ничего не стоило другой рукой нажать кнопку на своем поясе, но он раздумывал: что будет с японцем, который вцепился в его руку? Если японец вместе с ним окажется в Ленинграде – что он там будет с ним делать? Отделаться от него там будет несложно, там этот полицейский не будет хозяйничать, как у себя дома. Но чем потом все это кончится? Как этот японец вернется в Токио? Ему стало просто интересно от этих всех вопросов и он, выбрав самое людное место на Невском проспекте, нажал кнопку пси-гравитатора. Когда Невский проспект сменил токийскую улицу, японец в первое мгновение ничего не понял и продолжал идти за Витей, вцепившись в его руку. Но вдруг его лицо начало меняться и Вите показалось, что он сейчас завопит, люди бросятся со всех сторон к ним и кто знает, что будет дальше. А люди уже начали посматривать на эту странную пару – мальчика в школьной форме и иностранца, похожего на японца в непонятной униформе и с жезлом регулировщика в руке. Японец, однако, начал приходить в себя и удивленно оглядывался вокруг. Витя решил ему помочь: – Это Ленинград, ты в России. Услышав слова: Ленинград, Россия, японец побледнел и замотал головой. – О! Ленинграда, Москва! Тут Витя больше не решился на испытания, он нажал второй раз кнопку на поясе, и они вновь оказались на том Токийском перекрестке, где японец увидел Витю. Оказавшись снова в своем Токио, японец пережил еще один шок, но очертания родного города подействовали уже исцеляющее и он, как на представлении в цирке, радостно захлопал в ладоши, лопоча по-японски и совсем забыв о мальчике с красным галстуком. Витя, удовлетворенный исходом своего приключения, возвратился на свою просторную, спокойную Лиговку и, поднимаясь на третий этаж, думал, как ловко прокатил он этого японца в Ленинград и обратно. Путешествовать по заграничным городам нравилось Вите больше всего. Пси-гравитатор переносил его с континента на континент в любую точку, которую он выбрал, воображая ее на карте. Как будто кинокадры, мелькали перед ним улицы и небоскребы невиданных государств. Только за несколько часов в одно воскресенье он увидел Эйфелеву башню в Париже, бродил по зеленой лужайке возле Белого дома в Вашингтоне, по улицам Лондона и Бомбея. Не было места на Земле, которое он не увидел, если оно его интересовало. Дикие лошади в американских прериях, попугаи какаду и прыгающие кенгуру в австралийских лесах и саванах – все стало для него таким близким и доступным, как будто находилось во дворе, за окном его комнаты. В свои дальние путешествия он отправлялся, хорошо изучив расположение места своей будущей прогулки на карте и прослушав прогноз погоды. Бывали случаи, когда он из двадцатиградусного тепла в Ленинграде оказывался в зябкой сырой погоде Лондона или, еще хуже, попадал под проливной дождь. Но в таких случаях он тут же возвращался домой в свою квартиру и одевался по погоде. В его путешествиях ему очень помогали подробные карты его отца, ученого сейсмолога, который находился в это время в очередной экспедиции на Камчатке. Одно из путешествий едва не стало для юного последователя Миклухо-Маклая последним. Это случилось в Австралии. В тот раз Австралию Витя решил посетить совсем неожиданно. В одну из суббот он долго не мог уснуть вечером. Лежал, зажмурив глаза, но сон не приходил. Тогда он встал, открыл атлас Австралии и долго изучал его. Сейчас стоял октябрь месяц. По его расчетам в Австралии была в разгаре весна. Разница между Ленинградом и восточной частью Австралии около 8 часов, значит, там уже утро. Одевшись по-летнему, он решил прогуляться по австралийскому тропическому лесу. Лес, в котором он остановился, находился примерно в ста километрах от Сиднея. Хорошая автострада, соединяющая Сидней и город Брисбен, проходила в непосредственной близости от леса, и Витя

сначала наслаждался его видом, не сходя с дороги, а потом, увидев легковой автомобиль, стоявший в зарослях у самого леса, осмелел и вошел в лес. Буйная растительность окружала его. Кусты папоротника, высокие эвкалипты, казуарины и высокие бутылочные деревья, все это было настолько красивым и сверхъестественным, что Витя в очередной раз пожалел, что с ним не было ни мамы, ни папы, ни Стасика, с которыми он мог бы поделиться этой красотой. Воздух благоухал запахами и пьянил. Витя взглянул на свои часы. Прошло полчаса, как он ушел из дому в австралийский лес. Надо было возвращаться, но он решил «забежать» и взглянуть на окрестности озера Эйр, а потом уже возвращаться домой в свою постель. Пустые окрестности озера сразу же не понравились Вите. К тому же здесь, несмотря на то, что солнце только взобралось на горизонт, было очень жарко. Пустынная равнина, окружавшая мертвое озеро, простиралась перед ним. Вокруг – ни кустика, ни единого деревца. Витя почувствовал усталость и решил, что ему в самый раз сейчас оказаться дома. Он взялся рукой за пояс и нажал на выступ в привычном месте, однако ничего не произошло. Сколько ни нажимал он на кнопку, перед ним была безжизненная глиняная равнина с соленым озером Эйр. Это было похоже на кошмарный сон. Но, к сожалению, это была явь и, если наступит теперь его сон, то он будет последним. На тысячи километров ни души. С пси-гравитатором что-то случилось, и никто ничем ему здесь не поможет. Жажда мучила его все больше, и он зашагал в поисках влаги. Он быстро нашел небольшое озерцо, потом еще одно, но и в первом и во втором вода была такая горькая от соли, что о питье и думать было невозможно. Усевшись возле озерца, которое, наверное, еще вчера только наполнилось водой и не успело высохнуть, представил себе, как утром мама вернется с дежурства, увидит, что его нет дома, с ног собьется, но кто его здесь найдет? «Ах, Антошка, Антошка, как же ты меня подвел со своим поясом», – вспомнил он своего друга пришельца. Невероятно, но Антошка инопланетянин вдруг вырос перед ним, как в сказке. – Что случилось с тобой, землянин? – спросил он убитого несчастьем Витю. – Барахло твой пояс, не работает, – сказал повеселевший Витя. – Дело не в пси-гравитаторе, – сказал Антошка, – он в порядке. Что-то случилось с твоим мозгом, поэтому ни я, ни пси-гравитатор не «слышим» тебя. Принцип работы его основан на резонансе биоэлектромагнитных волн, которые излучает твой мозг. Очевидно, в нем из-за отличия геомагнитного поля в этом месте произошло нарушение электрического гомеостаза. В результате клетки твоего мозга работают только на поглощение энергии. Со временем установится равновесие, и ты сможешь перемещаться в пространстве, как и раньше. А пока прими вот это, – он протянул руку, и на его раскрытой ладони появился оранжевый шарик, величиной с лесной орех.

– Проглоти его, – сказал инопланетянин, – и через несколько минут сможешь быть дома.

Витя с опаской, но положил шарик в рот, который тут же растаял, как снежинка.

– Антошка, я пить хочу, умираю, – вспомнил вдруг Витя.

– Хорошо, я тебе сейчас принесу чего-нибудь из твоего холодильника.

– Нет, нет, – испугался Витя, – не оставляй меня, я лучше потерплю еще.

Он боялся, что если Антошка уйдет, опять может случиться что-нибудь непредвиденное.

– Как ты нашел меня здесь? – спросил он инопланетянина.

– Это было несложно. После того, как ты нажал на стартовую кнопку и пси-генератор не воспринял энергии, он автоматически послал сигнал бедствия, который я принял, хотя был отсюда так далеко, что ты даже не можешь себе представить.

– Скажи, Антошка, а у нас на Земле скоро такие пояса появятся?

– Не знаю. Это может произойти через год, а может и через столетие. Для этого вам, землянам, нужно еще многое понять в окружающей природе и в самих себе. Вы должны понять и признать, что в природе существуют гиперсветовые скорости. Ими обладает человеческий мозг.

– Человеческий мозг является одним из самых мощных двигателей в природе. Пситоны, излучаемые ими в процессе мышления, пронизывая с гиперсветовой скоростью простран-

ство, способны выполнять большую работу, чем перемещение человека в пространстве. Нужно только уметь использовать эту энергию. Чтобы осуществить телепортацию, нужно выполнить два условия: первое – создать пси-гравитацию – отрицательное гравитационное поле; второе – сконцентрировать пси-излучение в одном направлении. Пситоны, излучаемые мозгом человека во все стороны пространства, попадая в пси-резонатор, генерируют отрицательное поле, в котором масса перемещаемого тела становится равной нулю. Такое тело будет легко перемещаться в этом поле с гиперсветовой скоростью, если пситоны сконцентрировать в направленный пучок. Получается обыкновенный реактивный двигатель, использующий энергию мозговых волн.

– А почему вы не поможете нашим ученым сделать пси-гравитатор?

– Мы не имеем права вмешиваться в развитие другой цивилизации. Каждая цивилизация должна идти своим путем. В многообразии этих путей состоит смысл вселенского разума. Цивилизация, у которой не хватает разума, чтобы решить все свои проблемы и выжить, ничего не стоит. Если она исчезнет, природа создаст что-то новое, более совершенное, и жизнь пойдет снова, но уже по другому кругу.

– Нам пора уже, – сказал Антошка, и их фигуры растаяли в разреженном пространстве австралийской пустыни.

Последнее свое путешествие Витя совершил 25 октября 1987 года. Это было воскресенье, и почти весь день он провел вместе с мамой и бабушкой. После обеда они втроем пошли в кино, а потом гуляли по Летнему саду. Раньше Вите очень нравился Летний сад, но сегодня ему было здесь скучно. Листья на деревьях уже желтели и начали опадать. Статуи древнеримских богов выглядели задумчивыми и грустными. Витя подумал о буйной зелени лесов где-то в тропиках Африки или Австралии и опять пожалел, что они все втроем не могут сейчас там оказаться.

Вечером он читал в своей комнате «Марсианские хроники» Рея Бредбери и вспомнил Антошку инопланетянина. Где он сейчас? С того времени, как он выручил Витю в Австралии, Антошка больше не появлялся, сколько он его ни звал. Наверное, инопланетяне улетели на свою планету или к другим звездам. Интересно было бы, думал он, побывать на их «тарелке». Они очень добрые существа, если столько времени летают над нашей Землей и не делают нам ничего плохого. Жаль, что не появляется больше Антошка, он попросил бы его взять с собой на «тарелку». Как он переносится на своем пси-гравитаторе из космоса на Землю и обратно без всякого скафандра? – гадал он. Антошка сказал, что пси-гравитатор что-то делает с пространством, превращая его вокруг себя в туннель, в котором все становится неведомым. Он не мог представить себе, как пси-гравитатор может перенести его с Земли высоко в космос и доставить на корабль, который находится неизвестно где над Землей. Он не знал, как это происходит, и не верил, что такое может произойти. Поэтому, когда он, замечтавшись, вообразил себе черную пустоту космоса с космическим кораблем среди звезд и нажал кнопку на своем поясе, не сразу понял, где находится.

Он стоял в узком коридоре, стены которого были покрыты матовым пластиком. Мягкий невидимый свет окружал его так, что было видно пространство коридора в двух шагах впереди и сзади него. Когда он сделал два шага вперед, свет также поплыл за ним. Затаив дыхание, и, держа пальцы на кнопке пси-гравитатора, он сделал еще шагов восемь, и увидел, что коридор превратился в круглую комнату метров шесть в диаметре. Стены ее представляли большой телевизионный экран, разделенный на множество маленьких, величиной, как у обычного телевизора. На каждом маленьком экране была своя очень яркая цветная картинка. На одном из них Витя узнал знакомое изображение Белого дома в Вашингтоне, на других он увидел московский Кремль, шумные улицы каких-то городов, работающие заводы и даже людей, спокойно спящих в своих постелях. Потолок этого видео зала представлял собой купол ночного неба, очень похожий на тот, который показывают в планетарии. Но созвездия на нем были какие-то необычные и совсем незнакомые. Одна из звезд на куполе постоянно мигала. В цен-

тре зала находился большой пульт со множеством кнопок, горящих лампочек и каких-то приборов. За пультом стояли два пустых кресла.

Едва Витя успел разглядеть все это, как раздался спокойный, мягкий и в то же время повелительный голос: «Входи, землянин, будешь нашим гостем». Витя, как во сне, шагнул в середину комнаты. Перед ним появилась человеческая фигура с приятными женскими чертами лица. Большие зеленые глаза с длинными черными ресницами, тонкие с изломом брови, небольшой тонкий нос. Рост инопланетянки достигал сантиметров 190. У нее были пепельного цвета волосы, уложенные на затылке совершенно так, как у его мамы. Одета она была в куртку и брюки из ткани, похожей на джинсовую, со многими карманами и клапанами.

– Ты, видно, очень смелый человек, землянин, если решился на такое путешествие, – заговорила инопланетянка, – что тебя привело к нам: добро или зло?

Витя оцепенел, но совладал с собой и сказал:

– Я хотел бы увидеться с Антошкой и посмотреть ваш корабль.

– Ты имеешь в виду нашего разведчика юнгу? К сожалению, сейчас это невозможно. Он находится слишком далеко.

По мере того, как она говорила, голос ее становился все мягче и Витин страх начал исчезать.

– Ты говоришь то, что думаешь, землянин, и это хорошо. Садись, – показала она рукой на кресло, – сейчас ты увидишь и услышишь то, за чем пришел.

Когда Витя сел в кресло, инопланетянка села рядом с ним в другое и что-то нажала на пульте. В тот же миг Витя увидел на одном из многих экранов свою квартиру на Лиговском проспекте. Мама стояла за гладильной доской и гладила на завтра, в школу, его рубашку, а дедушка сидел в кресле и читал газету. Витя воскликнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.